

Роскошным
стервам
большого
города

АРИНА

Холкина

Законы
высшего
общества

Арина Холина

Законы высшего общества

«ЭКСМО»

Холина А. И.

Законы высшего общества / А. И. Холина — «Эксмо»,

Анастасия Устинова – не только суперпопулярная актриса, но и успешная деловая женщина, хозяйка киностудии. Но иногда ей кажется, что сценарий ее жизни написал графоман: и сюжет не клеится, и герои картонные, и остроты не хватает. Но в то мгновение, когда Анастасия влюбляется в модного писателя Максима Гранкина, все меняется. И даже тот факт, что лауреат «Букера» немножко женат, работает на нее, – ведь это уже не просто роман, а настоящая драма... Для Насти не существует разницы между жизнью и искусством. Как опытный режиссер, она манипулирует страстями, героями и эпизодами с одной лишь целью – сделать свою жизнь такой, чтобы публика аплодировала стоя...

© Холина А. И.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Арина Холина

Законы высшего общества

Посвящается моему другу Ване Черникову, замечательному музыканту и поэту, которому я желаю здоровья и большого успеха

Глава 1

Жили счастливо и умерли в один день?! Ха-ха-ха (раскаты демонического смеха)!
Ха!

Смешно.

Людей, которые сочетались браком и прожили вместе до старости, надо выделять отдельной графой и как-то особенно поощрять – как ветеранов ВОВ, и показывать по телевизору в наизидание, потому что никто уже не верит, что такие бывают.

У моей приятельницы родители якобы живут вместе тридцать лет – и у них все еще медовый месяц, но, скажите, вы лично видели этих родителей?

Сомневаюсь. Шансов нет.

А вариантов и того меньше.

Можно лет с пятнадцати стараться стать романтической особой, которая верит, что любовь – она как Северное сияние – ни с чем не перепутаешь, и что от чувств с тобой происходит нечто такое, что изменит всю твою жизнь: и сердце трепещет, голова кружится, и какое счастье – быть вместе, в горести и в радости. И Луна долгими летними ночами совершает свой моцион вокруг Земли только ради того, чтобы ее холодный свет остужал ваши страстные поцелуи.

От такой любви сначала хочется совершать подвиги, а потом – покончить жизнь самоубийством, потому что весь этот лирический надрыв заканчивается тем, что и Луна, и ночи, и запах сирени, и тот, кто казался единственным, предназначены другой, а ты сморкаешься в пододеяльник и обещаешь стать самой жуткой стервой во Вселенной – и никогда никого не любить, кроме мамы и папы, которые это заслужили.

Но, увы, совсем не любить как-то не получается.

Это все равно, что не смеяться. Даже самые серьезные люди, те, в чьем присутствии груз ложится на плечи и ты ощущаешь себя горе-альпинистом, отрезанным от мира снежной лавиной, даже они время от времени хохочут – пусть и узнав, что конкуренты разорились. Смеяться и любить – не роскошь, а вопрос выживания.

Поэтому многие предпочитают отдаться подлинному чувству, которое длится вечно, – любви к себе. Здесь существует целая система, в которой мужчина – лишь шестеренка. От мужчины требуется обожать тебя, боготворить, время от времени оставлять на тумбочке кофр с деньгами, а также скромные доказательства преданности и любви – ну, там кольца с бриллиантами, милые прелести вроде ключей от машины и приятную, но ничего не значащую чепуху – шубы, сувениры от «Шанель», духи ограниченной серии.

Три года назад Настя, в очередной раз воскреснув после мучительного разрыва, предпочла последний вариант.

Конечно, все эти фантазии были с душком: тяжелым ароматом «Живанши Органза» или, прости господи, «Пуазона» – запахом великосветского борделя с кроваво-красными портьерами. Но одно дело сидеть в засаде и ждать добычу, а совсем другое – когда «завидного жениха» тебе подают к столу, изящно сервированного, с шампанским «Кристалл».

Так что Настя справилась с предрассудками, которые вызывают у нее девицы в облегающих леопардовых одеяниях, и решила, что эти девицы – с планеты Альфа-Центавра, а она, Настя, – земная женщина совершенно иной культуры.

Девицы спят и видят себя на яхте с видом на Монако, а она просто хотела встречаться с мужчиной, который не будет ревновать ее к фотографам, журналистам и поклонникам.

Умудренные разводами девушки клялись, что система работает без сбоев. Главное – любить себя с подлинной страстью и не отвекаться на всякую ерунду вроде мускулистых парней на пляже или актеров от Бога – все это происки лукавого. И ни в коем случае не показывать «объекту» нежных чувств – пусть сохраняется статическое напряжение, иначе «клиент» ошутит твою власть и выйдет из-под контроля.

Настя это попробовала. И вот сейчас-то могла уверенно сказать, что и где надо лечить всем этим девицам, потому что нет никаких правил, существуют только «законы джунглей»: и если ты настоящая хищница, получишь своего буйвола, а если нет – лучше и не пытаться.

Вчера ее бросил мужчина.

Бросил, негодяй, настолько подло, что ей об этом рассказала подруга, светский обозреватель, которая засекла ее любовника в обществе некой певицы в GQ-баре.

Черт! Ему сорок лет, и он не мог сказать: «Дорогая, я больше тебя не люблю, прости, было здорово, у меня другая».

Да кто он такой вообще?

Ладно, он миллиардер. И он некрасивый. Но в нем было нечто особенное, благородное безумие, необузданная энергия, которая совершенно преображает обычные черты – делает человека прекрасным, удивительным, единственным.

Позже Настя говорила, что это вот свойство – просто алчность и сверхнаглость. Но говорила, в основном, от злости и сама себе не верила. Потому что ведь именно он заработал все свои миллиарды, а не... а хотя бы не она, Настя.

Но жить со всем этим оказалось невозможно. Они общались в сутки ровно полтора часа. В шесть утра он уезжал – из-за пробок. В час ночи возвращался – опять пробки. В субботу целый день говорил по мобильному. В воскресенье гулял с дочкой, которая росла у мамы.

Были, конечно же, были мгновения пронзительной радости. Например, путешествие по Франции, с заездом в один из самых дорогих отелей мира, расположенный во французской провинции, с видом на море, всего с десятью номерами и таким сервисом, что не оставалось сомнений – эти люди любят тебя больше собственных детей.

Перелеты на его «Гольфстриме»: Калифорния, Мексика, Гавайи, Карибы, Куба. Медовый месяц. Это было удивительно.

Правда, в самом начале такая жизнь Настю пугала – уж слишком Боря старался, делая вид, что для него это не роскошь, а повседневность, но потом, когда она его раскусила, – догадалась, что он и сам пребывает в бесконечном восторге от того, что все самое лучшее принадлежит ему, – успокоилась. Но все-таки некоторое время представляла себя Марией Каллас, а его – Онассисом и все ждала, когда же она, Настя, окончательно впадет в зависимость от этого мира неограниченных возможностей и потеряет ориентиры в обычной жизни.

И такой момент настал. Настя даже поддалась истерике – было ощущение, что она продала душу дьяволу, и в день ее триумфа явится некто с рогами и копытами, чтобы требовать должок.

Боря сказал, что хочет подарить ей фильм. То есть сказал он об этом совсем по-другому – вроде того, что его женщина клянчит деньги у кого ни попадя, а он за это краснеет. И озвучил сумму. Сумму, ясное дело, без процентов. Но с возвратом.

Настя всю ночь курила, выпила четверть бутылки виски, а наутро все продумала и пошла к Боре соглашаться.

Ее терзали страшные сомнения: ну, как это – все сама, сама, а тут вот такая, фактически, халява, но ведь сказано «дают – бери», и Настя взяла.

Купила за пятьсот тысяч сценарий у известного голливудского сценариста. Завлекла лучших актеров. Рекламу устроила такую, что купились все. И победила. Фильм пошел во Франции, Италии, Польше, Чехии, Испании, Германии, даже в Англии и США сделал достойные сборы, а уж телевидение в очередь выстроилось. И она ведь на этом фильме еще лет двадцать будет зарабатывать – на телеэфирах.

И Боря, конечно, купил ей квартиру. Не просто квартиру – она у Насти была, своя, приобретенная на собственные деньги, но то была не квартира – а мечта: двухэтажная, пятикомнатная, с подземным гаражом и маленьким садиком, в котором росли карликовые елочки. И в квартире была терраса. Просторная-просторная. Это был переломный момент – именно тогда Настя и поверила, что любовь к себе приносит плоды и что это круто и верно.

А вот сейчас он ее бросил. Объяснился по телефону. И это она ему сама позвонила.

Интересно, он ее любил или она была просто очередной заменитостью, голову которой Боря, как трофей, поместил в зал личной сексуальной славы?

Фу! Не хочется верить, что все это было так пошло, но ведь подобные истории случаются каждый день.

Конечно, у них бы могло что-нибудь получиться, если бы Настя была другой. Если бы она бросила работу. Разве кому-то нужна работающая жена? Жена-карьеристка? Жена, которая приходит домой с кругами под глазами и всю ночь ворочается, потому что не уверена – дадут ли ей кредит или пошлют подальше?

Такому, как Боря, нужна не жена, а собака – преданная, любящая, виляющая хвостом при виде кормильца. Он имеет на это право, да. Ведь он – властелин мира.

Но вообще это очень странно – быть девушкой человека, который всем шести миллиардам жителей планеты может раздать по доллару. Потому что он – Бог, а она – человек, он может все, а она откуда-то снизу, с Земли, что-то там вымаливает, сетует, не верит в него, всемогущего, и делает все по-своему, по-человечески.

Ладно. У нее осталась квартира. И работа. С Борей дела Насти пошли в гору. А чем еще заниматься, если у тебя есть мужчина и двадцать три часа в сутки ты слышишь только его голос в телефоне?

Работать.

У нее есть имя, свое дело и, наверное, гордость и независимость.

Так что пошел Боря к чертовой матери.

Но вот что теперь делать с дурацкой личной жизнью – не понятно. Сплошные косяки.

Ну да, ну да. С ней нелегко. Она – звезда. И не какая-нибудь там несчастная звезда, которая все гонорары вынуждена тратить на шмотки, бедняжка, а у нее, извините, свой бизнес – продюсерский центр имени ее, Анастасии Устиновой, и сейчас она на олимпе – она бренд.

Ладно, Боря, спасибо тебе за все, ты был хорошим другом и почти отличным любовником. Аминь. Теперь надо жить дальше.

Завтра, конечно, появятся всякие гнусности в прессе: «Олигарх променял Анастасию Устинову на Оксану Медовую», тыры-пыры, так ей и надо, богатые тоже плачут...

Да и фиг с ними. Вот уедет она на дачу, на Клязьму, и не будет читать никаких газет. В газетах вообще свинца черт-те сколько.

Офис можно смело оставить на Машу. Потому что Маша – робот. Это, конечно, просто чудесно, что ее помощница – механизм, не ведающий усталости и сомнений, но, с другой стороны, Настя ее недолюбливает, а это выбивает из колеи. Ясное дело, где-то там у Маши в голове – микрочип, она не настоящая, но не завидовать ей какой-то странной, серо-буро-малиновой завистью Настя не может.

Во-первых, Машин жених. Дивный жених класса «люкс» на интеллигентном «Ауди-8» вишневого цвета, жених, который выбегает из машины и перед Машей дверку открывает. А Маша грациозно опускается на сиденье.

Настя же лишь благодаря физическим и умственным усилиям могла выйти из машины так, чтобы это можно было запечатлеть на фотоснимке.

Обыкновенно она в расчете на то, что ее никто не видит, некрасиво раскорячившись, выставляла ноги на тротуар, подтягивала тело, группировалась и вываливалась наружу целиком. Вот так уж у нее получалось.

И жених у Маши был надежный, с гарантией лет на двадцать.

А еще Маша никогда не подавала виду, что в жаркий летний будний день ей до слез хочется на пляж, загорать, ничего не делать и купаться.

Настя же просто с ума сходила, если в такой день была назначена важная встреча. Она ныла, капризничала и тосковала – как маленький ребенок, и этот внутренний маленький ребенок становился еще более невыносимым при взгляде на всем довольную Машу, которая, казалось, вообще понятия не имела, какая там на улице погода, потому что в офисе, разумеется, так интересно!

Ну, и Маша не курила и не ругалась матом. И при ней как-то неловко было курить и выражаться. Причем в лице ее ничего не менялось, но комната буквально наполнялась Машиними нравственными страданиями. А Настя ощущала себя либо палачом, либо мстительным Зорро – после каждой сигареты, после каждого «...твою мать!».

Но Маша была очень хорошим редактором и надежной помощницей. Самой надежной в радиусе трех тысяч километров.

Таких помощниц не увольняют потому, что они не ругаются матом.

Настя, наконец, прорвалась через Долгопрудный, собравший пробку века, и свернула на Клязьму. Это ведь такое счастье, что у нее тут дом!

Дом достался ей от бабушки. Мама, конечно, топала ногами, по старой традиции теряла сознание и пачками глотала снотворное – но угрозы расстаться с жизнью давно уже не имели желанного эффекта, так что Настя получила ключи, документы и сдала дом дачникам.

Старую дачу Настя снесла всего года четыре назад и выстроила дивный белый особняк. Не белый – а цвета слоновой кости. С овечьими шкурами, светлыми деревянными полами, широченными вельветовыми диванами и английскими шторами.

Еще был газон, три раскидистые яблони, оставшиеся от бабушки, ель, липа и кусты шиповника.

Дом окнами смотрел на озеро – днем там шумел пляж, но Настя ходила на соседний, через пролесок, а вечерами все стихало – городские разъезжались, местные расходились, дачники готовили ужин и укладывали детей, а Настя устраивалась под яблоней и смотрела на звездное небо.

Здесь к ней относились с трепетом – актриса, звезда. Вежливое восхищение местной публики, уважение и трепет дачников, гордость за то, что рядом с ними живет знаменитость, – все это было мило, очаровательно и очень искренне.

Настя, конечно, была и тщеславной, и честолюбивой, но не настолько, чтобы не понимать, как это ужасно, когда себя в третьем лице называют звездой.

Потому что, если уж честно, то единственная звезда, которую она видела в своей жизни, – это Соня.

Перед первым туром в «Щуку», бледная, с зеленым отливом, Настя стояла у стенки, прижав к груди учебник Станиславского, и клацала зубами.

И вдруг из-за угла повеяло жарким ветром и морским бризом, который несет и белый пляжный песок, и соленые брызги, и шум волн, и летнюю истому, пропахшую кремом от загара, сигаретами и лимонадом... – это показалась Соня.

С волосами цвета июльской ржи, с легким загаром, в белом платье, стянутом красным поясом, а на плече ее болталась огромная спортивная сумка. Соня была красива, как дивы с сувенирной парижской открытки: косая челка до полных губ, излом брови, голубые глаза – будто немного выцветшие на жестком солнце Адриатики, пушистые ресницы длины неимоверной...

– Пойдем покурим, – обратилась она к Насте.

Просто потому, что та стояла ближе всех.

И Настя пропала. Она могла, как и все девушки, тут же взревновать, возненавидеть ее, найти у нее миллион несущественных недостатков, но Соня с этой челкой, прикрывающей один глаз, показалась ей тогда настоящей пираткой, маленькой разбойницей, девушкой без страха и упрека – а так оно и было, и Настя решила, что лучше уж дружить, чем давиться собственной завистью.

– И почему ты пошла в актрисы? – поинтересовалась Соня, угостив Настю сигаретой.

– Я хочу стать знаменитой, – призналась та.

– Ты уже знаменита! – расхохоталась Соня. – Может, свалим отсюда?

– Не-не-не... – испугалась Настя.

– Ладно, – кивнула Соня. – Будем поступать.

Соня жила у нее год. Тогда, перед экзаменами, Соня поругалась с любовником и возвращаться ей было некуда. Она говорила, что в Королеве у нее есть квартира и дом – но там мама, а мама все никак не могла справиться с потрясением от того, что дочь в пятнадцать лет уже встречалась с сорокалетним мужчиной.

О себе Соня почти не рассказывала – говорила, что это скучно, а когда Настя пускалась в откровения, даже и не пыталась сделать вид, что ей интересно.

Соня жила по одной ей ведомым правилам – в некоторых Настя не без труда разобралась: например, Соня носила только очень простые вещи, так как считала, что красивая женщина хороша сама по себе. Никаких блесков, стразов, вышивки. Еще она не любила сложные цвета – предпочитала белый, черный, красный и зеленый, но тут не было жестких рамок.

В «Щуку» Соня поступила – в отличие от других абитуриентов она не нервничала, все хорошо прочитала, но задержалась там только до первой сессии – сказала, что это нервная профессия, а нервничать ей нельзя – выпадают волосы и цвет лица блекнет.

К тому времени в Доме актера Соня познакомилась с маститым режиссером, который в пылу страсти дал ей роль второго плана, а уже эта роль вывела Соню на странного типа по имени Петя, которого Настя боялась так, как только в детстве можно испугаться школьной формы, что висит на ручке шкафа, приняв ее за оборотня или привидение.

Петя очень редко снимал черные очки – а когда он это сделал, Настя пожалела, что оказалась рядом, – это был самый настоящий Терминатор, убивающий взглядом. Он ездил на черном «Шевроле Корветт», который Соня у него потом выклянчила. Жил на Остоженке, но Соня отказалась к нему переезжать, и тогда он подарил ей квартиру на Тверской – очень странную, огромную квартиру в доме середины девятнадцатого века. Квартиру Соня не любила – купила туда кровать и жила в одной комнате.

Потом Петю, кажется, убили.

Он, конечно, был красив, как герой боевика конца восьмидесятых, – брюнет, брови вразлет, крепкие губы с жестким контуром, волевой подбородок, совершенные пропорции тела, но Насте казалось, что спать с ним – все равно, что мчаться на скорости двести км/час, зная, что тормоза не работают.

У Сони была тактика – она точно угадывала, с кем можно иметь дело. Ведь подошла же она именно к Насте – девочке с московской квартирой, которая жила без родителей. В этом смысле чутье у Сони было гениальное – она заносила нож именно в тот момент, когда жертва была морально готова к закланию.

До Сони Насте казалось, что жизнь – это вечный бег по кругу с препятствиями. Соня же не могла разглядеть препятствие, если бы то возникало прямо перед ней. Она не верила в препятствия.

И целый год, пока жила у подруги, Соня декламировала свой кодекс – пиратский, сомнительный и быть не могло, однако была в ней такая отчаянная жажда приключений, что Настя не то чтобы ей поверила, просто Соня заразила ее этим странным вирусом – болезнью кочевой жизни. Настя переболела им в легкой форме, но ведь ко всему прочему Соня познакомила ее с Аликом – а это уже был знак судьбы.

Глава 2

– Покажи купальник, – потребовала Соня.

Они сидели в огромной комнате с лепниной, хрустальной люстрой «из дворца», полукруглыми окнами в стиле арт-деко на кровати королевского размера. Окна заклеены газетами – у Сони даже штор не имелось. Были только кровать и зеркало. Одежды у Сони, кстати, тоже почти не было – она покупала вещь, носила ее две недели, выбрасывала или отдавала подруге и покупала новую. Весь ее гардероб помещался в чемодане. Утюг она одалживала у соседей – и гладила на кровати.

– Сонь, как ты можешь тут жить? – растерялась Настя, когда попала сюда в первый раз.

– Чувствуешь? – возбудилась Соня. – Нехороший дом. По-моему, всех жильцов тут перерезали – если закрыть глаза, можно увидеть реки крови...

Настя уставилась на подругу:

– Каких жильцов?

– Дореволюционных, – пояснила Соня.

Настя задумалась. Ну, ладно, отвлечемся от квартиры. Но и в парадном тоже ведь неуютно. Мурашки по коже. В первый раз Насте показалось, что это от величественности архитектуры: заходишь – и с порога лестница метров десять высотой, прямая, широкая, темная. Но ощущения повторялись, и Настя была готова поверить в кровавую резню – тем более дом стоит в самом начале Тверской, чуть ли не на Красной площади.

Хотя, конечно, Соня тогда удивила ее склонностью к мистике – она читала все гороскопы, ездила к какой-то бабке в Немчиновку, гадала на картах таро, но, самое главное, – с изумительным актерским мастерством рассказывала страшные истории. Выходило так жутко – особенно в этой пустой громадной квартире, что Настя уже через полчаса пищала и умоляла ее замолчать, но Соня лишь нашептывала: «...И когда они вошли в комнату, ребенок не дышал. Побежали к соседям – и видят, солдатка стоит у околицы, а рука-то у нее перевязана!»

Настя, хоть и тряслась со страху, обожала эти деревенские страшилки – про тихую заводь, в которой русалки распускали косы, чтобы поймать ночных странников, про домового, который по ночам являлся молодой жене старого помещика и кружил ту на руках, про лешего, водившего путников по кругу, про хохотушку-вдовушку, по ночам превращавшуюся в волчицу...

Так что версия про души умерших, что обитают в доме и не дают спокойно жить, про реки крови, что можно увидеть в полнолуние, и про странные скрипы и стоны по ночам пришлась ей по вкусу.

– Купальник? – переспросила Настя.

– Купальник, – кивнула Соня.

Настя пожалала плечами и вытащила из соломенной сумки купальник – черный, в ромашках, с большими трусами.

Соня смотрела на купальник так, словно на нем была метка «Радиоактивно».

– Я тебя никуда не пущу в ЭТОМ, – заявила она.

– Соня, а не ну бы тебя на фиг? – обиделась Настя.

– Понимаешь... – Соня поднялась с кровати и встала напротив. – В таком, извините, костюме за тебя в базарный день и трешку не дадут.

– Сонь, ну, ты что, собралась мной торговать?

– Я хотела сказать, что это... – Соня кивком головы указала на лифчик с трусами, которые, казалось, съежились под ее взглядом. – Оскорбление для любой женщины.

– Черт! – разозлилась Настя. – У меня нет другого!

– Надо купить, – распорядилась Соня.

В итоге они все-таки пошли в ГУМ и купили Насте купальник – белое бикини с золотыми кольцами. Денег у Насти не осталось, но Соня была довольна, так как считала, что у приличной девушки денег быть и не должно.

На Пироговском водохранилище они присоединились к компании Сониных друзей, которые жарили шашлык и катались на катере.

Компания была мажорная: тут имелись и знаменитые красавицы, и популярные художники, и киношники, и загадочные личности в дорогих часах.

– Нравится? – прошептала Соня, уставившись на брюнета в зеленых «боксерах».

Брюнет на Настю впечатления не произвел. Ей хотелось, чтобы он был выше ростом, более мускулистый и лет на пять моложе. Но он все же был привлекательный. Не урод и не бука.

– А что? – поинтересовалась она.

– Это Алик. Дарю, – заявила Соня.

– Развей.

– Ну, я Алику не нравлюсь, так что пользуйся, – пояснила Соня.

– Сонь, а как ты можешь не нравиться? – усмехнулась Настя.

– Как-то так, – улыбнулась Соня. – А ты в его вкусе. Я уверена.

Настя покосилась на Алика, но не заметила ни на йоту интереса к своей персоне – Алик ел шашлык и беседовал с красавицей из Дома моды Зайцева.

– Чем он занимается? – спросила она.

Соня пожала плечами:

– Аферист.

Настя подавилась вином.

– Как аферист?

– Понятия не имею! – отмахнулась Соня. – Что-то продает, покупает... Не знаю.

Настя покачала головой и пошла купаться.

Когда она вылезала на берег, увидела Алика, который стоял на берегу по колено в воде и таранился на нее.

– Как вода? – поинтересовался Алик, мастер разговорного жанра.

– Мокрая, – ответила нелюбезная Настя.

– Давайте я вас на катере прокачу, – предложил Алик.

Настя согласилась – но без вдохновения.

Всю жизнь до знакомства с Аликом она думала, что некрасивая.

Даже годы спустя, поумнев и повзрослев, Настя не жалела, что до девятнадцати лет считала себя дальней родственницей Горлума. Она ведь не могла по-другому.

В детстве у нее была ужасная прическа. Колготы протерлись на коленях и спускались гармошкой. Воротник школьной формы пожелтел на сгибах и явно был мал. У нее никогда не было карманных денег. Она плохо училась.

А ее мать считала себя Зорро.

Настя до сих пор не могла избавиться от гаденькой зависти и желания поплакать где-нибудь в тихом месте, когда видела, что у ее подруг хорошие отношения с родителями. С родителями, которые приглашают на дачу друзей своей дочери, кормят их до отвала, с ужасом отвергают предложение помыть посуду, до сих пор дарят детям подарки просто так – потому что увидели в витрине нечто особенное, помогают им в трудную минуту и всегда готовы поручиться за детей в банке.

А ее мать всю жизнь посвятила мести. Настя была «его ребенком». Ребенком человека, который бросил ее, маму, погибать.

Погибала она весело. Во-первых, отец все реже и реже встречался с Настей, так как их отношениям предшествовала мучительная процедура – мать требовала, чтобы тот заходил за дочкой в дом, где устраивала скандал с выходом. Но алименты он платил – и не по ведомости, а

по совести. Бабушки и дедушки помогали, чем могли – деньгами, вниманием, забирали внучку на каникулы и выходные.

Но матери всего казалось мало. На алименты она покупала себе модные кофточки, запирали от Насти в трюме губную помаду, а желание дочери съесть пирожное душила на корню – намазывала дома хлеб вареньем и говорила, что этого вполне достаточно. Смысл был в том, чтобы самой выглядеть чудесно – пусть отец знает, какую женщину потерял, и чтобы Настя смотрелась заморышем – вот, мол, до чего ты дите родное довел.

Поэтому радость от развода родителей прошла быстро. Когда это произошло, ей было одиннадцать, и она уже слышать не могла, как они ругаются. Мамаша закатывала истерики по любому поводу: отец слишком поздно вернулся с работы или слишком рано – застал ее в маске для лица, не помыл посуду, хочет ехать в Болгарию, а не в Крым – и ведь знает, что она боится самолетов... Мать вообще боялась всего: холода – потому что грипп, жары – духота, осени – сыро, весны – аллергия, возвращаться позже восьми – хотя часто приходила домой за полночь – она тогда не работала, а отец, которому надо было на службу к девяти, должен был ехать за ней на другой конец города посреди ночи – ведь приличные женщины на такси не ездят.

Отец сказал, что уходит – и мать отравилась. Красиво отравилась, показательно. Вечером отец собрал носки-трусы и объявил о разводе, а утром, когда Настя завтракала, мама выплыла в кухню, закатила глаза и упала. За два часа до этого – чтобы, не дай бог, не отключиться ночью – так же и умереть можно, мать наелась снотворного. Настя вызвала «Скорую» – за что матушка, едва обретя сознание, устроила ей выволочку. По плану Настя должна была позвонить отцу. Его все-таки оповестили – он вернулся, даже обещал остаться навсегда, но через месяц сбежал окончательно. У него была другая женщина, и с этой женщиной у них была любовь.

Настя уже тогда задумалась – почему это мама решила ее бросить? Ведь она могла бы и умереть – если бы немного переборщила с валиумом.

А к пятнадцати годам Настя точно знала: потому что матери на всех плевать – и на дочь в первую очередь.

Все детство Настя мечтала о двух вещах – о джинсах в обтяжку и о том, чтобы попасть в кафе «Шоколадница». Джинсы, купленные отцом, мать порезала. Потому что «его» брошенная дочь должна страдать.

Но в «Шоколадницу» все равно хотелось до дрожи, пусть и без джинсов, – ведь там, за молочными коктейлями и кофе глясе, который по-тихому разбавляли коньяком, и случалось все самое интересное. Там собирались не только школьники, но и окрестные тусовщики, и молодые художники, и музыканты, которые по вечерам горланили на бульварах, – где они были такими же героями, как Курт Кобейн. Там был даже знаменитый татуировщик Паша – мечта всех девушек: мускулистый, со светло-русыми волосами, собранными в хвост, в татуировках с ног до головы.

Паша, в итоге, лишил ее невинности. За год до окончания школы.

Но пока девицы из класса не заметили ее в «Шоколаднице» с Пашей, Настя была человеком-невидимкой.

На школьных вечеринках ее не приглашали танцевать – и это было унижительно. Правда, на исходе праздника к таким, как она, все-таки приползали школьные изгои, например мальчик с неприятной фамилией Карпич, у которого были потные ладони и он вечно шмыгал носом.

Но в последний год все изменилось.

Настя все лето провела на Клязьме, загорела до черноты, вытянулась до ста семидесяти шести сантиметров, навечно избавилась от щенячьего подросткового жирка и отрастила, наконец-то, волосы до плеч. Школьные красотки, наоборот, набрали по десять кило, запаршивели и не знали, куда девать щетину на ногах.

Подруга бабушки привезла из Франции, где жила ее дочь, мешок одежды – тряпки, из которых выросла внучка, и все они Насте подошли. У нее даже появилось маленькое черное

платье из шелковистого джерси – в этом платье Настю и склеил Паша, когда она сидела вечером на Чистых прудах.

– Ты красиво куришь, – сказал Паша, встав напротив нее.

Насте тогда этот заход показался оригинальным – тем более что сам Великий Паша весь в татуировках обратил на нее внимание, и она красиво выдохнула дым из ноздрей.

– Жарко, – заметил он.

Настя пожала плечами.

– Хочешь прокатиться на пляж? – поинтересовался Паша, у которого был «Харлей».

Старый, но «Харлей». У Насти не осталось сомнений – она ему нравится. Все знали, что Паша просто так девушек на «Харлее» не возит.

Паша усадил ее на мотоцикл, всучил шлем и отвез на пляж в Барвиху, там все и произошло – после купаний гольшом и трех бутылок пива.

От знакомых Настя слышала разные версии того, как расстаются с невинностью. Для одних это было самым романтичным воспоминанием – цветы, свечи, шампанское, лирическая музыка...

Настя думала об этом, но решила, что осталась бы старой девой, если бы молодой человек включил в это мгновение какую-нибудь Селин Дион или, прости господи, Патрисию Каас.

Другие девицы вступали в сговор с друзьями детства мужского пола – напивались и становились женщинами. Друзей детства у Насти не было – мама это не одобряла, так как друзья ходят в гости, шумят, едят их еду и смотрят телевизор. А стоило матери заподозрить, что у Насти есть кавалер, она устраивала сцену: она-то знала, что девушки при кавалерах мечтают о новой одежде, косметике и прочих излишествах, на которые нужны деньги.

Насте же хватило и того, что Паша был красивый.

И он, красивый Паша, выбрал ее. Значит, что-то в ней есть. Она – особенная.

А он так и не понял, что был у нее первым. Насте же ничего объяснять не хотелось. Лежа на Пашиной кожаной куртке, глядя в звездное небо, испытывая пусть и немного болезненные, но чертовски приятные ощущения, Настя почувствовала замечательное равнодушие и к Паше, и к школьным мымрам, и даже к самому красивому мальчику в школе, которого любила с третьего класса. Все это осталось в прошлом, в детстве, которое она ни за что не назвала бы счастливым.

Настя увидела себя в совсем другой жизни. Она будет актрисой. Да, ей не светят лавры красотки Одри Хепберн, но она будет Марлен Дитрих – женщиной-скандалом, символом эпохи, и тысячи зрителей увидят в ней свое отражение.

Она не привлекательна, но докажет всем, что главное – талант, дар, вдохновение.

Алик открыл ей глаза.

Он катал ее на катере, кормил шашлыком, вез в Москву, приглашал в ресторан – пить шампанское, а потом, когда они оказались у него в постели, сказал, что никогда не встречал такой красивой девушки.

– Слушай... – поморщилась Настя. – Давай без дешевой лести.

– У тебя проблемы? – удивился Алик.

– Какие проблемы? – на этот раз удивилась Настя.

– Не знаю, – он развел руками. – С самооценкой.

– Слушай! – рассердилась она. – Я просто не хочу банальностей – красивые глаза и все такое!

– Насть... – он притянул ее к себе и прижал к влажному от жары телу. – Я тебя не люблю...

– Спасибо, – буркнула Настя.

– Ну, извини, просто за эти несколько часов я бы не успел тебя полюбить, даже если бы нарочно задался такой целью. Так что ты не думай, что я смотрю на тебя и сердцем вижу Софи Лорен. Ты правда красивая.

В том, что она – красивая, Алик убеждал Настю не один день. Он ставил ее перед зеркалом, голую, загорелую, худенькую – ребра торчат, на спине хребет выпирает – и говорил, что у нее – плечи, лопатки, изгиб поясницы, скулы – все совершенство, от носа с горбинкой с ума сходил...

За всю жизнь Насте никто ни разу не сказал, что она – красивая. Бабушка, мамина мать, которой было очень стыдно за то, что она воспитала такую дочь – но ведь воспитала же! – решила, что лучшее искупление за все – еда. Уж она Настю кормила, кормила, но та все равно не толстела, и бабушка иногда даже поглядывала на нее с ненавистью – вот ведь старается же она, а не в коня корм. Худая – значит, некрасивая.

Бабушка всю жизнь работала ведущей на радио, ездила с гастролями по разным городам, наслаждалась светской жизнью, а Настина мама была при двух няньках и отце – конструкторе космических унитазов, мрачном мужчине, который, как иногда казалось Насте, которая застала дедушку при жизни, мог бы убить, если бы его оторвали от кроссворда в «Огоньке».

Когда Настя, после съемок первого фильма, загремела с нервным срывом в больницу и попала к психотерапевту, та объясняла, что родственники у нее, Насти, – сложные люди, их надо понять: мама, наверное, не получала от родителей любви – да так и застряла в возрасте пяти лет, когда нет никаких «нельзя», есть только «хочу».

Но Настя все равно отказывалась принять такую несправедливость.

А если бы ее мать была проституткой, которая еще и героин продает? Что, это тоже надо понять?

Почему бы ей, взрослой, не обижаться на эту женщину, которая сейчас живет, наконец-то, со вторым мужем в Чикаго и последний раз звонила Насте год назад? На день рождения мама передала ей через знакомую уцененный набор для душа «Сефора» – мило, да?

Ее мать только кричала на нее: «Не сутулься!», «Не морщи нос!», не пускала ее в театральную студию – почему??? Денег было жалко? Из вредности? Не разрешала ходить с девочками в бассейн – хотя за Настю платила мать ее знакомой. Прятала от Насти дорогие шоколадные конфеты.

Она, наверное, не знала, что Настя все подмечала – и как девочки пересказывали разговоры мамаш после родительского собрания: вот, мол, Лиза – это ее, Насти, мама – ходит вся в кашемире и на шпильках, прическа у нее самая наимоднейшая, в ушах – бриллианты, а дите запущенное, лохматое и ест, как Маугли.

Настя считала себя некрасивой, потому что такой и была – диковатым, раздражительным, упрямым и злым подростком, который точно знает одно – его никто не любит.

Алик отвел ее в салон красоты, где Настю подстригли, выщипали брови, купил ей красное платье, в котором она выглядела, как Кармен, кормил только в ресторанах, заставлял ходить на тоненьких каблучках и уверял, что она вырастет в большую актрису.

Он был ее лучшим другом. И он же заставил ее первый раз испытать муки неразделенной любви. Дивной юношеской неразделенной любви, когда твое пока еще нежное сердце сочится кровью, когда на нем только появляются первые шрамы, когда ты еще чувствуешь кожей и не можешь встать на ноги, потому что так «надо».

Когда Настя решила, что любит его, выяснилось, что сам Алик любить никого не желает. Он уверял, что никакой такой любви вообще не существует, – и шлялся по кабакам с моделями, балеринами и просто девками, которые готовы были на все за бутылку вина и шоколадку.

Его загрубевшее сердце уже давно не трепетало от взгляда, от слова, от прикосновения – Алику нужен был адреналин, потрясение, а Настя, с ее нежным щебетом и влюбленными

щенячьими глазами, была лишь передышкой между демоническими красавицами и разухабистыми шлюшками, которых богатый и щедрый Алик встречал на каждом шагу.

Но ему нравилось иметь рядом вот такую Настю, о которой он мог бы заботиться и которую даже считал своей девушкой, только Настя была не готова к тому, что все романы про любовь – в лучшем случае преувеличение.

Настя делала все, что положено: рыдала в подушку, провалила сессию, ходила нечесаная, с заусенцами на ногтях, пока Алик не отловил ее в баре рядом с институтом – пьяную и несчастную – и не отвез к себе.

– Насть, а что тебя не устраивает? Ты же не хочешь замуж?

Она взглянула на него с презрением. Почему это она не хочет замуж?

– Хочу! – ответила Настя.

– А зачем? – поинтересовался Алик. – Зачем такой женщине, как ты, замуж?

Как это – «зачем ей замуж»? Замуж – это, во-первых, свадьба, во-вторых, «жили долго и счастливо», ну, и потом... Настя впала в задумчивость.

– Но если я тебя люблю, мне неприятно... – начала было она, но Алик перебил.

– Насть, не надо меня любить, – посоветовал он.

И Алик так красиво рассказал о свободных отношениях, о том, что секс – это не измена, а измена – предать любимого человека, что Настя, как и тысячи наивных девушек до нее, поверила ему.

И только спустя несколько лет поняла, что Алик просто-напросто балбес, которому хотелось и рыбку съесть, и с горки прокатиться: ему нужна была Настя – красавица, актриса и эти вот вспышки страсти со случайными девицами. Он хотел все, сразу и сейчас.

А тогда Настя лезла на стену, и каждый день разыгрывалась новая трагедия – Алик не пришел, Алик опоздал, Алик не позвонил, от Алика пахнет «Диориссимо»... Она верила, что любит его, верила в то, что, когда женщина и мужчина вместе – они не должны делать ничего такого, что причинило бы друг другу боль (ха-ха-ха!), верила, что она просто что-то делает не так, а когда сделает так, Алик будет принадлежать только ей.

Алика она бросила спустя полгода – надумала выходить замуж. По большой любви.

– Это чушь, – сказал Алик и оказался прав.

Настя самоотверженно полюбила грузина со сценарного факультета. Он был худой, с глазами, как у Марчелло Матроянни, сын знаменитого тбилисского режиссера.

Она пропала, едва тот до нее дотронулся, а дотронулся он случайно – стоял в очереди в кафе и нечаянно задел рукой. У Насти закружилась голова.

Свадьба была упоительная – двести гостей, весь Тбилиси, гуляли три дня, а Настя и Леван выплясывали лезгинку – как и положено.

Ей казалось, он – любовь всей ее жизни. Гений. Лучший любовник. Он тоже во все это верил, читал стихи, говорил, что напишет ей роль, устраивал жуткие сцены ревности, с кем-то дрался из-за нее – и Настя не понимала, что они были заурядной парой, которую не связывает ничего, кроме секса. Секса, которого в этом возрасте никогда не бывает много, секса, из-за которого влюбляешься так, что просыпаешься с пятью детьми в деревне Пердищево и удивляешься: «Это что, моя жизнь?» Бог миловал, детей Настя с Леваном не завела, но секса поначалу было так много, что Настя ходила, пошатываясь, с безумными глазами и хохотала без причины.

Они жили два года. Сначала Настя догадалась, что Леван – морфинист. Потом выяснилось, что ни черта он не гений. Его выгнали из института. Денег не было. А как только Настя его разлюбила, оказалось, что любовник он просто ужасный. Наверное, она так пылала первое время, что он мог вообще ничего не делать – просто лежать рядом, а Настя бы считала его идеалом плотской любви.

Настя где-то встретила Алика и осталась у него просто от отчаяния – у нее не было денег на обратную дорогу. Но так как с Леваном – плохим любовником из-за его пристрастия к

морфию секса скоро не стало вовсе, Настя после института бежала к Алику, который, выяснив ее положение, потихоньку давал ей деньги. С мужем Настя разводилась, поселившись у Алика, хоть тот и был против, но свою квартиру она сдавала, так что податься было некуда.

С Аликом она тогда прожила год.

Потом он ее выгнал, и они встречались от случая к случаю. За все это время она так и не поняла, чем Алик занимается – то он торговал водкой, то сахаром, то какими-то пальто вместе с иконами и сомнительным Куинджи...

А потом Настя стала знаменитой.

Это был июль. Труппа уехала на гастроли, и спектакли давал второй состав. Прима второго состава сломала ногу, поэтому Федру исполняла Настя. Она даже не боялась – на второй состав никто не шел, все разъехались по дачам. Но театральный критик журнала «Афиша» был в Москве – жена его лежала на сохранении, отпуск накрылся, и критик вместе со знакомым молодым режиссером пришел в театр.

Не то чтобы именно в этот день Настя была прелесть как хороша. Просто критику надо было о чем-то писать. И он написал о «новой звезде». А молодой режиссер пригласил ее сняться в кино, которое показалось Насте полнейшим безумием, но имело успех даже в Каннах – на следующий год. Маленький такой успех, но все же.

Осенью ее вызвал главный режиссер театра.

– Наша новая звезда, – сказал он взволнованной Насте.

Она сделала большие глаза. Режиссер выдержал паузу.

– Насть, ну ты сама как себя оцениваешь? – поинтересовался он.

Настя поразмышляла.

– А вы что думаете? – спросила она.

– Ты, Настя, подаешь большие надежды, – сообщил режиссер. – Но пока ты – никто. Просто красивая девушка с потенциалом. Хочешь – иди в кино, заклейми себя позором. Поверь мне, делать не то чтобы хорошие, а просто фильмы, в которых не стыдно сниматься, у нас будут не скоро. Можешь засветиться, как юное дарование, выйти замуж за инвестора – ну, все, как полагается. Но я бы на твоём месте подумал о вкладе в будущее. Поработаешь в театре – и у тебя будет шанс стать большой актрисой.

Настя понимала – он прав. Она – неопытная актриса, у которой амбиций больше, чем мастерства. Но из его слов она догадалась, что режиссер не просто так поучает молоденькую дурочку, которой первая легкая слава ударила по сознанию. Ему не хотелось ее терять. Он был старый, мудрый и опытный – и понимал, что через год сделает на ней неплохие сборы.

И Настя осталась – несмотря на то что ей предложили роль в фильме, который чуть ли не на «Оскар» замахнулись номинировать. Фильм провалился, а Настя добилась успеха. Спустя два года пресса сошла с ума – ее обожали критики, ей льстили журналисты, заманивали продюсеры телесериалов.

И опять появился Алик, который на время испарился из ее жизни.

Алик ездил на подержанном «Роллс-Ройсе». И выглядел как наркоделец – богатый костюм в полосочку, спутница – моделька, печатка от «Картье».

– Что будешь делать? – поинтересовался Алик, угощая Настю ужином в «Сирене».

– Ты о чем? – нахмурилась она.

Новый – набравший вес, солидный – Алик ей не очень нравился.

– О том, что у нас не Голливуд, и годам к сорока ты миллионов не заработаешь, – заявил Алик.

– Я не поняла, ты что, стал занудой? – рассердилась она.

– Настя! – прикрикнул он. – Послушай меня, а? Ты ведь представляешь, что происходит с актрисами, когда они теряют привлекательность?

Алик говорил так серьезно, что Настя представила.

Н-да. Бедность, забвение – и это в лучшем случае.

И Алик предложил ей начать свое дело. Продюсерский центр, который будет выпускать кино и сериалы для нее, Насти. Она гарантирует инвесторам звезду – себя, у нее есть связи с банкирами, с телеканалами, и она будет получать все: гонорар, прибыль, авторские отчисления.

Это было соблазнительно. Настя долго сомневалась, но все-таки решилась, наивная, не зная тогда, что сама себя продала на галеры – за недорого.

Глава 3

Вариантов было немного: сбежать подальше, в глушь, в избушку на Алтае без электричества, водопровода, с туалетом под кустом, либо застрелиться. Как Маяковский. Тогда ее хоть будут помнить молодой и отчаявшейся, сложат о ней легенды и снимут документальное кино. Сценарий, правда, лучше написать прямо сейчас – а то пустят фоном какие-нибудь завывания, и пожилой диктор будет шамкать и бормотать под нос высоким штилем.

Все это – не жизнь. Каторга.

Она ведь мечтала творить. Играть. Дарить радость.

Звучит, конечно, чертовски патетично, но она ведь актриса, а актрисы учат роль, вживаются в нее, а потом исполняют на сцене – под аплодисменты публики. Актрисы спят до часу, снимаются для журналов, дают интервью и принимают восторги поклонников, а она, Настя, как добросовестная крепостная, встает в девять утра, едет в офис и, как все эти менеджеры на грани нервного срыва, психует в пробках.

Сначала было тяжело, а потом Настя привыкла к мысли, что легче уже не будет. И Аликуиситель был прав – с деньгами она чувствует себя намного увереннее.

Конечно, иногда хочется собрать сразу всех сценаристов, поставить их к стенке и – бабах! – потому что сценаристы – это такие люди, которые нарочно переписывают «Унесенные ветром» так, чтобы было неинтересно.

И если еще можно найти инвестора, режиссера, актеров, то сценаристов хороших, видимо, просто не бывает. Может, до сих пор работает стратегия Рейгана по развалу СССР – он же актером был в свое время, вот и решил, что Россия – обалденный плацдарм для экспорта голливудского кино.

Такое ощущение, что всех этих авторов в институтах всему учат наоборот – им ведь даже принципы Аристотеля невдомек: кульминация у них в начале, завязка в конце, а развязки просто не существует – кому надо, тот поймет.

Ну вот, прислал тут доморощенный Тарантино шедевр: начинается все массовой резней, на следующих пяти страницах у героя убивают семью – родителей, детей, жену и даже четвероюродную тетю Мусю из Бобруйска, а оставшиеся сто девяносто три страницы герой на каждом листе пытается до смерти как минимум троих – оптом.

Такое считаешь – на улицу выходить перестанешь в опасении, что где-то неподалеку шастают кровожадные авторы.

Девочки очень любят писать про секс и нечисть. Одна дамочка каждый месяц присылает очередную версию истории о проститутке-вампирише, которая отчаянно занимается оральным сексом с клиентами. Ключевая фраза: «От острого наслаждения, пронзившего его тело, он готов был умереть».

И, разумеется, не избежать зажигательных историй о новобранцах, напившихся до такого состояния, что на танке доехали до Польши, а там – секс, водка, рок-н-ролл. Причем шутки все, ясное дело, заимствованы из других комедий.

Конечно, работа была – и это уже хорошо, спасибо маме, папе и Господу Богу, но все эти сериалы и фильмы по книгам русских беллетристок давно уже превратились в рутину.

Много чего превратилось в рутину. Иногда Насте даже казалось, что психотерапевт ее закодировала – или загипнотизировала, потому что после того жуткого срыва все было вроде и хорошо, а вроде и никак.

Нет никакой золотой середины. Золотая середина наполовину – это Боря, которого Настя очень старалась полюбить и даже полюбила, но лучше бы он ее удочерил – тогда ее нежная привязанность была бы к месту.

Середина – это все «драмы», которые она выпускает и в которых играет, потому что нет фильмов: все эти истории с фестивалями, премиями, премьерами и рекламами – просто «материализация» от графа Калиостро, трюк и мошенничество.

А правда заключается в том, что ей, Насте, скучно.

Ей тридцать четыре года. Недавно она смотрела «Снимите это немедленно!» и подскочила на кровати, когда узнала, что героиня, замученная женщина на вид лет сорока пяти, с головой, не ведавшей шампуня, – ее ровесница. Ну, не может этого быть! Если поставить их рядом, Настя будет выглядеть, как ее внучка.

Настя хотела праздника.

Но цирк уехал – она осталась в одиночестве.

Подруги-актрисы вышли замуж, прописались на страницах модных журналов и говорить с ними можно лишь о революционной форме каблуков «Луи Вьюиттон» от Марка Джейкобса.

Друзья-актеры втягивают животы и подсчитывают калории.

Новые друзья из коммерсантов очень, конечно, милые ребята, но нет в них искры божьей.

Единственная радость: приехать на дачу, оседлать гидроцикл и рассекать по водным просторам – от Клязьмы до Пироговского водохранилища, навстречу горизонту. А лучше всего – мчаться на закат или на рассвет, когда впереди только солнце, и ветер дует, и в брызгах играет радуга, и тебя несет по волнам, и ты понимаешь, что счастье – это очень просто. Но стоит выйти на сушу – и мираж развеивается.

Раньше, в детстве, Настя думала, что счастье – величина постоянная: стоит прославиться, заработать немного денег, утвердиться в этой жизни – и все, нирвана. Но оказалось, что ощущение это крайне зыбкое, а хрупкая гармония не надежна, как прогноз погоды, – ждешь одного, а получаешь такую абракадабру, что проклинаешь мгновение, когда папа встретил маму.

Настю в очередной раз тряхануло на колее, и, наконец, она остановилась перед воротами. Ворота распахнулись, и она заехала во двор.

Уф-ф! Наконец-то можно расслабиться. Это ее тайный сад, место ее силы. Здесь не существовало Москвы, инвесторов, сценаристов и прочих упырей, здесь ей в голову приходили только увлекательные мысли и всякие смешные фантазии. Это ее царство-государство, ее цитадель – никаких на фиг родственников, детей и деловых переговоров.

Сейчас полвторого, она пойдет на пляж, накупается, пока ноги не сведет, купит куриный шашлык в палатке у Валеры – пожилого армянина, и салат у Нины – усатой татарки, поваляется на пляже, а вечером устроится в шезлонге под липой, вытащит из багажника мешок книг и будет их все читать по очереди, через страницу – чтобы потом одна из них превратилась в фильм.

Настя загнала машину в гараж и переделась в один из своих белых купальников – всего их было десять штук, и все одинаковые: Настя купила их на всю жизнь, так как мода на подобный фасон последний раз была в 1962 году после появления в таком Урсулы Андерс, девушки Джеймса Бонда в легендарной сцене на берегу острова Доктора Но.

Настя же случайно увидела купальник в витрине спортивного магазина и поняла, что надо брать, пока дают. Больше ничего подобного она не встречала.

Полотенце, крем, минеральную воду и кучу всякой ерунды она запихнула в красивую голубую сумку и отправилась на озеро.

Пляжная жизнь была в разгаре. Народ подтянулся из московского смога, расположился, выпил пива и вкусил большую часть радостей лета. Настя оставила вещи рядом с какой-то мамашей, разбежалась и нырнула прямо в кучу того, что нагнали волнами яхтсмены. К середине дня к берегу сгоняет ветки, листву, всякие гнусные водоросли, зато от катеров по водохранилищу ходит настоящая морская волна.

Поплескавшись минут двадцать, Настя устроилась на полотенце, закурила и ни с того ни с сего вспомнила Алика.

Последний раз она видела его в обществе странных малолеток, в белом костюме – настолько белом, что Алика можно было снимать для рекламы каких-нибудь порошков или отбеливателей, с сигарой и конским хвостиком. Они сумбурно пообщались, а через год Насте сказали, что у Алика неприятности, он пропал, но, по слухам, живет в Коста-Брава и снимает там порно.

Все это было как-то нелепо, но в его стиле. Соня была совершенно права – он аферист, и куда его нелегкая вынесла, даже сам Господь Бог, наверное, не хочет задумываться.

Так странно. Алик был важной частью ее жизни – он сделал для нее больше, чем кто бы то ни было, но вот его нет – и ей наплевать. Он превратился в расплывшего, полысевшего мужчину, который, что самое ужасное, скрывает плешь с помощью длинных волос. Он потерял класс. А возможно, никогда и не имел его – просто Насте тогда казалось, что Алик – это весь мир: рестораны, магазины, парикмахерские и сколько угодно колготок, которые могут рваться в любой момент – купим новые, а она – песчинка, у которой нет ничего, кроме амбиций и болезненного желания работать на публику.

А сейчас с Настиных высот можно обзреть и Бразилию, и Антарктиду, и даже заглянуть в гостиную Моника Белуччи, с которой Настя подружилась в Каннах, а бедный Алик, который, как она надеялась, все-таки снимает в своем Коста-Брава порнушку, а не удобряет подмосковные земли, из своего окошка видит крошечный уголок – две капли моря и один лучик солнца.

Наверное, она может собой гордиться. Только вот она действительно перестала понимать – чем именно. Семьи нет. Детей нет. И не хочется пока. То есть ничем не разбавить ни печаль, ни тоску. Был бы у нее ребенок, она бы думала, что живет для него, что должна, не имеет права хандрить и капризничать. А так... Что-то надо менять – и как можно быстрее, потому что еще одного нервного срыва она не переживет.

Тогда она просто слегла. Лежала неделю, пока не поняла, что нет у нее близких, которые за волосы вытащат ее из отчаянного уныния. Пришлось сдать врачам, которые вскрыли ей душу, препарировали и с интересом рассматривали все, что болит, – как будто Настя не живой человек, а «случай № 54». Она вспомнила все, что хотела забыть. Расковыряла все болячки и засыпала их солью. Аккуратно разложила грязное белье и наклеила ценники.

Страшное время. Два года на грани самоубийства. За эти два года она взяла два кредита, которые почти стоили ей жизни, сняла второй фильм и первый двадцатичетырехсерийный сериал, который годом позже оказался пятидесятисерийным – дело пошло.

Она изменилась так, словно сначала лежала парализованная, а потом вскочила, побежала, накачалась, как Мадонна, и сплясала «Жизель». Настя обнаружила, что запросто сможет торговать оружием и наркотиками – такие у нее стали железные нервы.

Но внутри она бережно хранила себя прежнюю – нежную, робкую, наивную девушку, которая мечтала лишь об одном – выйти на сцену и сыграть Джульетту.

Ее и саму уже измотали эти противоречия, но не могла же она окончательно превратиться в деловую женщину, у которой в голове сплошной реализм и столбики цифр, потому что, то ли к радости, то ли к сожалению, – это не ее амплуа.

Настя затушила сигарету в карманную пепельницу, украшенную эмалью, опустила очки и огляделась по сторонам.

Парад образов.

Слева – две подруги, классика жанра, блондинка и брюнетка. У блондинки – прическа в стиле группы «Виagra», у брюнетки – черные как смоль, прямые волосы ниже лопаток. У обеих проститутские узоры на ногтях – со всей бижутерией: стразы, брелоки, цветы. Ну, и купальники, переливающиеся и камнями драгоценными, и каким-то особенным материалом, сияющим на солнце, и все в шнурках-завязках. Настоящие женщины. Женщины проводили время весело: грызли семечки и тарасились по сторонам. Друг с другом переговаривались изредка. Их интриговал молодой человек брутально-метросексуальной внешности: загорелый

атлет, стильные «боксеры», зеленое – модного в этом сезоне оттенка – полотенце и классная сумка от «Гуччи». Атлет все понимал про интерес к себе – соперничать с ним могли только затрапезные молодые люди с теплым пивом и волосатыми подмышками, два подростка в прыщах и трио крутых пацанов в спортивных очках, классических плавках со слегка нависшими над ними животиками и магнитофоном, в котором шумел Серега.

Держался атлет надменно, проявляя незначительное внимание лишь к девушке в черном бикини. Девушка в черном бикини со стразами – куда без них! – в очках с огромной пряжкой «Шанель» и в босоножках на каблуках (!) держалась так, словно в кустах прячется бригада фотографов из «Вога», снимающих рекламу наимоднейших купальников от кутюр, – принимала позы, надувала губы и делала вид, что в радиусе километра никого на пляже нет.

Еще были две молодые мамы: одна, худенькая, совершенно не обращала внимания на то, что ее беспардонного малыша ненавидит весь пляж – милый ребенок мог подойти и запросто, по-соседски, треснуть отдыхающего лопаткой по голове. Вторая – с белыми, как кефир, рыхлыми ляжками пятидесятого размера, то надевала на детеныша панамку, то меняла ему трусы, то убирала волосы с лица – совсем замучила малышку.

Настя из-под очков косилась на атлета – такой экземпляр не грех затащить в гнездо, но сработало проклятие – пляжный Аполлон не обращал на нее внимания. Отчего-то к Насте никогда не приставали на улице – приличные люди.

В юности, лет в пятнадцать, в метро к ней липли только маньяки, которые все норовили прижаться сзади, либо педофилы, клюнувшие на юный возраст.

На даче все беззубые, старше шестидесяти, с запахом перегара – это была ее аудитория.

В городе с ней заигрывали рабочие – потные таджики и грязненькие молдаване. Один лишь раз в «Стокмане» к ней привязался нормальный мужчина – симпатичный, молодой, со всеми зубами и трезвый, но Настя от удивления перепугалась и убежала.

Не то чтобы она жаждала знакомиться вот так, наобум, но внимание приятно любой женщине, если, конечно, это не пьяный кураж местных забулдыг.

Настя отправилась за шашлыком – походка от бедра, накачанные мускулы играют на солнце... но атлет лишь мельком взглянул и вернулся к изучению GQ – видимо, заучивает особо полюбившиеся места.

Эх, тяжело быть женщиной!

Может, снять, черт побери, очки, платок и собрать все лавры?

Настя вернулась с добычей, разложила еду на полотенце, пообедала, искупалась и все-таки сделала это – избавилась от камуфляжа.

Блондинка с брюнеткой зашушукались, атлет отвернулся, а вот один мужичок прошел туда, прошел сюда и в итоге попросил зажигалку.

– А вы не Жанна Фриске? – поинтересовался он, прикурив.

Черт!

Это что, насмешка судьбы?

– Вы угадали, я – Жанна Фриске, – улыбнулась Настя.

Наверное, он просто хотел по-своему сделать ей комплимент.

– А! – обрадовался мужичок. – Ну, а вы это... пива не хотите?

Интересно, он действительно считает ее Жанной Фриске?

– Спасибо, нет, – сурово ответила Настя и скрылась за очками.

Мужчинка еще потоптался немного и отчалил к друзьям – делиться впечатлениями.

Часов в семь она собралась домой. Девушки сгрызли все семечки, атлет так и не познакомился с барышней в черном, мамы поволокли детей на ужин, а пивная компания заснула.

На кухне Настя выпотрошила сумку прямо на пол – да так и оставила, наслаждаясь тем, что можно вести себя по-летнему безалаберно, вытаскала из холодильника салат и стала есть прямо из кастрюли. Кухня в доме была большая, светлая, со стенами, по которым рабочие

руками размазывали штукатурку. Деревянный стол нагрело солнце – он пах ясенем и немного лаком, за окном росла елочка, в салате было столько креветок, сколько необходимо для счастья, – припекшаяся на солнце Настя даже забыла, что еще вчера (или позавчера?) был Боря, отношения, другая жизнь.

Наевшись и налив зеленого чая с лимоном и мятой, Настя вытащила на улицу шезлонг, постелила мексиканский плед на траву, вывалила на него книги и уставилась в даль. Думать, читать, шевелить мозгами не хотелось. Но руки сами потянулись к книжке в ярко-желтой обложке и открыли первую страницу.

Все ясно. Следующая.

Любовный, блин, роман, авантюра.

Чушь.

Следующий.

Мило, можно посмотреть, что там будет дальше.

Конечно, по протоколу, Насте следовало бы прочитать книгу целиком – дело ведь не в стиле, а в сюжете, но романы до нее уже читала редактор, к каждому прилагалось краткое содержание, а выискивала Настя нечто особенное – то, что может ее удивить, восхитить, а не просто набор штампов, которые ловкий сценарист, а таких в природе не существует, смог бы преобразить в удобоваримый сюжет.

Настя схватила очередную книжку в невнятной обложке, открыла и... удивилась. С первых же строк стало ясно – это литература. Выводы делать рано: автор – мужчина, а это значит, что уже на десятой странице литература может превратиться в истерические размышления на тему «куда ни глянь – одно дерьмо».

Но этот ее заворожил. Никаких тебе поисков смысла жизни, ни занудства, ни агрессии. Герой – нечто среднее между Обломовым и Милым Другом, но герой как бы и не герой вовсе – таковым его делают персонажи второго плана, которые все пытаются его «спасти», «вытащить», «поставить на ноги», а он при этом живет весело и красиво – за чужой счет. И была там чудесная роль, то есть, простите, пока еще просто характер: женщина, которая всю жизнь любила этого человека, всегда была рядом, несмотря на то что выходила замуж, рожала детей, разводилась – и все это с другими... Настя не могла оторваться – она читала, пока не замерзла, не отрываясь, перешла в дом, бросив на улице и плед, и шезлонг, читала в ванной, читала в кровати – пока птицы не заворковали, пока первый солнечный луч не укусил ее за ногу, пока пляжники не всполошили нежное июньское утро...

Против всех правил Настя разогрела щавелевый суп, наелась до отвала на сон грядущий, закусывая похлебку свежим белым хлебом – такое открытие стоит лишних двух килограммов, и завалилась спать при свете дня с замечательным предвкушением новой эры своей жизни.

Глава 4

И вообще, что такое внешность?

Вряд ли юные девушки мечтают о Вуди Аллене, но ведь как-то же Миа Фэрроу, нежная, трогательная красавица, полюбила этого нервного, щуплого очкарика! И Диана Китон.

Что за насмешки судьбы? Почему нет в мире совершенства? Ну разве трудно сделать так, чтобы добрый, умный, хороший человек имел привлекательную фигуру, симпатичное лицо, был здоров и при этом не считал собственную мать центром мироздания?! А?

Вот тут-то самое время послать подальше все моногамные отношения и завести красавца для сексуальных утех – кровь, пот и слезы, умника для разговоров по душам и секса раз в месяц – беседы на всю ночь, дым сигарет, интеллектуальный оргазм – и какого-нибудь еще незатейливого, но надежного друга, которому всегда некогда, но в трудную минуту он рядом.

Возможно ли это на практике?

Иногда Насте казалось – да, возможно.

Но временами так хотелось близости – настоящей, душа в душу, и чтоб во время секса смотреть в глаза, и чтобы он предугадывал твои слова, а по выражению лица догадывался, чего тебе не хватает, и чтобы его тело было самым красивым только потому, что оно – его, а он бы не замечал недостатков среди твоих достоинств.

Все это, ясное дело, бред. Не бывает так. Живешь с человеком пару лет, а потом он вдруг в один прекрасный день возвращается с работы и устраивает скандал только потому, что не нашел среди твоих бутылочек с гелем для душа свою пену для бритья. Можно подумать, что он собирается бриться!

Или вечером, после того как ты в душе полчаса мылась пеной с запахом барбариса, втирала в кожу ведьминский крем с водорослями, причесывалась, румянилась – все ради него, он принимает с таким лицом, словно учуял псину, трогает тебя одним пальцем, морщится напоказ и выдает:

– Ты липкая...

И это ведь тот же самый человек, от которого ты каждый вечер получала письма на десяти страницах, где он описывал, как не может без тебя жить!

Когда он любил – придерживал твои волосы, пока тебя тошнило после второй бутылки шампанского, и смотрел при этом с такой нежностью, словно ты выплясываешь танец маленьких лебедей, а не издаешь жуткие звуки, вытряхивая из себя шипучее вино с курицей под сельдереем, а сейчас он, видите ли, брезгует «липким» кремом, который ты купила за пять тысяч рублей – только чтобы нравиться ему.

Когда ты любишь, милые родинки на щеке, складки под глазами, брюшко с пчелиными сотами кажутся родными. Ты любишь все эти заусенцы, которые он отказывается удалить – верит, подлец, что ты только и мечтаешь отхватить ему палец этими жуткими ножницами, веснушки на плечах, которыми он покрывается, стоит выйти на солнце, щетину, которую ему лень сбрить перед тем, как вы начнете целоваться... А стоит разлюбить – все это превращается в кошмар, вызывает тошноту, и секс происходит лишь тогда, когда уж совершенно невозможно или когда вы оба, распалившись от горя, отрепетировав расставание, в последний раз, в последний миг пытаетесь вспомнить, как это было тогда, когда с вами была любовь...

Наверняка этот писатель окажется кругленьким, как колобок, рыхлым типчиком в мятом костюме, усаемым, лохматым, с потными ладонками и с легкой чесночной отдушкой изо рта.

Не то чтобы Настя обвиняла провидение в жадности – небеса иногда проявляли щедрость и наделяли людей и талантом, и красотой, но почему-то большинство из них находилось в Голливуде, а меньшинство было окружено столь плотным кольцом поклонниц, что не возьмешь нахрапом.

С тем, что писатели вряд ли попадут в список «100 самых красивых мужчин», Настя еще могла примириться, но вот почему они одеваются в Армии спасения, ведут себя так, словно дали обет безбрачия либо поставили себе цель – заниматься любовью, только осушив пару бутылок водки, она понять не могла.

Может, конечно, ей попадались не те писатели, но слишком уж много этих «не тех».

Ладно. Если он типичный писатель, о любви можно забыть – увы, будь он даже трижды Овидием и дважды Достоевским, она бы не смогла поцеловать человека в прокуренные усы и обнять рубашку пятьдесят шестого размера.

Она станет его музой – будет мыть своими волосами (нарастит по необходимости) его ноги, будет из угла наблюдать за тем, как он творит, – и следить, чтобы у него всегда был под рукой холодный чай летом и горячий кофе зимой. Она станет служить ему, кормить своей любовью, вдохновлять и утешать, когда мир вдруг отвернется от его гения, и она не помешает ему насладиться триумфом – будет ведь всегда рядом, но немного в стороне.

О как!

Но все эти восторги суть дела не меняли – она нашла его, своего Автора. Автора, который сделает ее великой. Он, конечно, будет уверен, что все это ради него – его заметили, открыли, возвысили, оценили, и он знаменит, каждое его слово ловят, но на самом-то деле все это случится ради Насти – ради того, чтобы ее отмыли от сериалов, от опереточного новогоднего кино, от мелодрам с дешевыми страстями, ограничили в достойную роль и выставили под стекло – чтобы публика, перехватив дыхание, могла насладиться ее блеском.

От перевозбуждения Настя проснулась рано – в половине девятого и принялась названивать Маше, которая совершенно взбесила ее тем, что не брала трубку. Чем она может заниматься в это время?

Сексом.

Спать.

Гимнастикой.

Принимать душ.

Посылать начальницу на фиг, так как рабочий день еще не начался.

Сука.

Наконец Маша ответила.

– Ну, ты где? – воскликнула Настя.

– Мыла голову, извини, – пояснила та.

– Что мы имеем на Максима Гранкина? – поинтересовалась Настя.

Маша помедлила.

– А кто это?

– Писатель!

– Писатель... – задумалась помощница. – А! Он Букера получил!

– Да ты что? – ахнула Настя. – Пропустила я, видимо, это событие...

– А почему ты спрашиваешь?

– Хочу сделать фильм по его роману, – пояснила Настя, но голос все-таки предательски сорвался.

– Ты шутишь?

Маша несколько раз подсовывала Насте «умные» книги, которые считала пропуском на Каннский фестиваль, или хотя бы на Венецианский, или на Берлинский, или же Санденс, но Настя их в силу своего темперамента решительно отвергала. У нее не хватало усидчивости для депрессивных размышлизмов и прочих тоскливых, мрачных, злых произведений, которые, возможно, и были примечательны с точки зрения психологии, анализа, глубины погружения в темные стороны человеческой души, но Настя не была уверена, что эти стороны интересуют ее в должной мере.

Она слишком любила жить, для того чтобы снимать кино о страданиях человеческих.

Но у этого Максима, несмотря на жесткую сатиру – не такую, что атакует в лоб, а скорее вежливую, джентльменскую иронию, несмотря на чисто мужскую агрессию – не дворовую, нахрапом, а спортивную, по правилам, с уважением к противнику, и невзирая на то что не обошлось без типично гормонального высокомерия по отношению к женщинам, – не было в романе ни вселенской тоски, ни обиды, ни жалости к себе, «лишнему человеку», ни обвинений. Его печаль предвкушала радость, злость казалась трамплином к безудержной свободе, а в чисто литературном снисхождении к порокам людским было слишком много страсти, чтобы автор превратился в ворчуна и зануду.

– Нет, – коротко ответила Настя, которая уже устала от разговора. – Не шучу.

Ясно одно – Маша ничего об этом Гранкине не знает, так что смысла толочь воду в ступе нет никакого.

– Маш, я иду спать, проснусь – позвоню, а ты пока разужнай там, что да как, – распорядилась она.

Проснулась Настя от духоты. Жара выбралась из города, в котором ей, видимо, стало тесно, и полезла в деревню. А ведь ночью Настя даже мерзла – закрыла окно, выключила вентилятор, так что комната прогрелась, кажется, до ста двадцати градусов, а она лежала, завернувшись во влажную простыню, и потихоньку испарялась.

Идею поставить на даче кондиционеры Настя отвергла – эти штуковины, гоняющие туда-сюда воздух, она тайно ненавидела, но в городе заказала два – на кухне и в спальне, так как плавать по ночам в луже пота и обжигаться о собственное белье ей казалось не очень заманчивым.

Настя бросилась в ванную, встала под душ и на всю катушку включила холодную воду. Некоторое время казалось, что вода отскакивает от нее, не принося ни малейшего облегчения, но минут через десять появились мурашки – а за ними блаженная свежесть. На пляж не хотелось.

– Маш, ну что ты не звонишь? – пробурчала Настя в трубку.

С Машей трудно было оставаться дружелюбной – Насте хотелось расшевелить ее, увидеть хоть какие-то чувства – хоть злость, хоть обиду, но даже Настино откровенное хамство и нелепые капризы не помогали. Настю беспокоило, что из-за Маши она превращается в припадочную знаменитость, но та вроде считала, что так и положено. Может, в этом она видела плюсы – кому интересно общаться с вежливой, скромной звездой? О такой можно сказать: «О, она такая милая» – разве сравнишь это с ледящей кровью историей о том, как «звезда» попросила остановить самолет рядом с ближайшим трехзвездочным рестораном, потому что на борту предлагали ужасную «Бон Акву» и «Перье», а она может пить только «Эвиан»?

– У меня есть его телефон, – сообщила Маша.

– Круто! – Настя даже забыла о том, что нужно плохо относиться к собеседнице. – И?..

– Он в отпуске, приезжает в конце недели.

– А это... Как он выглядит?

Маша позволила себе смешок.

– Не знаю, – призналась она.

– А как узнать?

– В Интернете я ничего не нашла.

– А если позвонить издателям?..

Пауза.

– А что... им сказать? – растерялась Маша.

– Ну... Что нам нужна его фотография крупным планом, а также в плавках и в белье, – отрапортовала Настя.

Микрочип в голове у Маши заскрипел, но все-таки выдал правильный ответ: «шутка». Из-за таких вещей и возникла неприязнь – в первую очередь Маша относилась ко всему очень серьезно, без иронии.

– Ладно, Маш, занимайся пока сериалом, – вздохнула Настя. – Чего там режиссер? Жив?

Подтвердив, что все живы – только на грани нервного истощения, Маша пообещала обо всем позаботиться, на чем они и распрощались.

Настя поставила на плиту турку, намешала геркулес с творогом и фруктами – чертовски полезный и даже почти съедобный завтрак – и вышла на улицу.

Оставаться красивой – та еще работа. С одной стороны, у нее замечательная наследственность. Мама, выходя замуж за Натана Марковича, своего ровесника, выглядела, как его дочь. Но Настя не могла допустить, чтобы из-за лени или небрежности ее фигура поплыла, а на лице появились признаки... щадя себя она называла это возрастом, а не старением.

Массаж лица два раза в неделю. Массаж тела – четыре. Бассейн – три раза. Раз в полгода курс похудения и жесткий лимфодренаж. Баня. Психотерапия – все болезни от нервов. Йога – от стресса. Каникулы на море раз в три месяца. Два раза в год отдых на две недели.

Для того чтобы хорошо выглядеть, душа и тело должны пребывать в гармонии – хочешь ты этого или нет.

Настя отлично помнила, как во время Великого Нервного Срыва все ее лицо покрылось жуткими пятнами, кожа шелушилась, а на руках набухла омерзительная экзема. И это уже не говоря об острой язве желудка.

Кремы она покупала у «знахарки» – бывшей массажистки, превратившейся в профессиональную бабушку – воспитывала внуков. Но, по счастью, внуков она пасла на даче, где и собирала травы, ягоды и прочую основу для кремов, которые продавала ограниченному тиражом старым клиенткам. Может, купить рецепт и открыть свою косметическую линию?

Мороки много, но если пойти с козырного туза... Надо подумать.

Наверное, она, Настя, все-таки двинутая на голову, потому что каждую неделю водитель ездит в Калужскую область к Капитолине Васильевне за «органическими» овощами. Лет шесть назад Настя снимала там дачу – у этой самой Капитолины, которая не верила в химические удобрения и очень гордилась, что ее помидоры без пестицидов, а сейчас Настя делала ей выручку – скупала почти все, что сажала старушка. Не такая уж и старушка – лет шестьдесят, но ситцевый халат никого не молодит.

Это был ее пунктик – и Настя его стеснялась, но все же пользовалась дарами огорода Капитолины Васильевны, так как количество химии в окружающей среде Настю пугало. Каждый сходит с ума в меру финансовых возможностей, так ведь?

Об этом она в интервью не рассказывала, а можно было бы – пусть ее считают немного сумасшедшей.

Мы ведь все работаем на публику, да?

Вот, например, недели две назад ее подрезал внедорожник, раздувшийся от собственной значимости. Подсек с таким нахальством, что Настя просто изумилась – водитель, наверное, ехал вслепую, не обращая внимания на то, что на дороге есть и другие машины.

Причем дорога была очень извилистой набережной Яузы, где вылететь в реку – как нечего делать.

Но удалец не знал, с кем связался – Настя в свое время участвовала с Фоменко в гонках на выживание и машину не водила – занималась с ней сексом, такт в такт, глаза в глаза. И для таких вот случаев вопиющего дорожного свинства был у нее метод, украденный у знакомого: она вылетела вперед, встала поперек дороги, перегородив горе-Шумахеру путь.

И сразу же позвонила приятелю в ГАИ – большому поклоннику и любителю контрамарок, сообщив, что столкнулась с самой настоящей подставой.

Дверь внедорожника распахнулась, и оттуда – прямо-таки с небес на землю – спустился мрачный тип с внешностью сильно пьющего херувима. Морда кирпичом, румянец на щеках-брылях, ангельские белые кудри и заплывшие жиром голубые глазки. Пиджак, галстук, костюм.

Настя тут же всучила ему телефон, а уже через пять минут мрачный тип дрожал, бледнел и умолял не жаловаться начальнику.

Ваня «керувим» Шумахер был всего лишь водителем, чей босс отбыл в командировку – и на это время Ваня почувствовал себя властелином мира, принял эстафету, вошел в роль Большого Босса. Ха.

И такие вот типы учат их, людей с обложки, не ковыряться в носу.

Честное слово, такое ощущение, что, помимо иных ипостасей, человечество делится на два клана – публичные и... просто люди. Причем публичные люди с журналом «ОК!» в руках превращаются в «просто людей» – и уже, кажется, готовы самим себе вынести приговор: силиконовая грудь, губы, ботокс, пояс противоречит платью, а с такими ногами белое и обтягивающее – не носят.

Настя добила кашу с творогом и взялась за кофе. Под рукой – совершенно случайно – оказался роман Максима. Настя открыла его на первой попавшейся странице и перечитала главу.

Как же он хорош!

Что там пишут про автора?

«...Максим Гранкин учился в МГИМО, три года работал в МИДе, но большую часть жизни посвятил бизнесу. Одолев классику, переключился на современных писателей, но, не получив от знакомства с новыми авторами большого удовольствия, начал писать сам. Его уже называют надеждой новой русской литературы, а получение премии Букер утвердило его...» ...бла-бла-бла.

Если Гранкин учился в МГИМО, значит, он либо гений, либо мажор. Сын чиновника? Профессора? Ботаник – отличник – медалист?

Интернет.

Интернет дал ссылку на сетевые библиотеки, на распечатки радиопередач, на онлайн-магазины и на два-три скудных интервью на тему «Ваши творческие планы». Из интервью Настя ничего не поняла – не было в них человека Максима Гранкина, был только автор.

Настя вытряхнула из сумки визитницу и позвонила главному редактору мужского журнала, своему хорошему другу.

– Дим, привет, Настя, – представилась она. – Я по-быстрому. Знаешь Максима Гранкина?

– Тот, который писатель? – уточнил Дима.

Настя подтвердила.

– Мы хотели взять у него интервью после Букера в прошлом году, но он куда-то слинял, а когда вернулся, отказался фотографироваться – ну, все и провисло.

– Ты его видел когда-нибудь?

Дима сказал – нет.

– Читал? – настаивала Настя.

– Да, он класс, – скупно ответил Дима. Видимо, одновременно редактировал текст.

– То есть тебе нравится?

– Нравится, нравится, – раздражался Дима. – А в чем, собственно, дело?

– Хочу экранизировать его роман, – призналась Настя.

– О! – Дима оживился. – «Жизнь бесполезного человека»?

– Да, только название повеселее придумаем. Как ты угадал?

– Ну, там характеры... – расплывчато пояснил Дима. – Мне его букеровская книга меньше нравится – в ней какой-то скулеж.

– А что ты еще читал?

– Да у него всего три романа: первый – супер, про второй я сказал и третий вот этот, про жиголо.

– Он не жиголо.

– Какая разница?

Поболтав еще пару минут, Настя распрощалась с Димой и задумалась.

А что, если ее Максим – псих? Из тех, что хотят за права экранизации миллиард наличными в мелких купюрах? Или твердят, что должны участвовать в кастинге, в подборе музыки, согласовывать костюмы и интерьеры? В каждой бочке затычка?

Конечно, если он действительно толстый и страшный, можно сразить его красотой и обаянием, но все это, по большому счету, – очередной чирей на ее, Настину, задницу.

Без боя она не сдастся. Она предложит ему все, чего тот захочет, кроме, разумеется, миллиарда наличными, права участвовать в кастинге и в других стадиях съемочного процесса.

Разве кто-то может отказать ей, Анастасии Устиновой, приме русского кино?

Ведь если по-честному, она – первая, впереди никого нет. Хоть и нехорошо так о себе, и дело не в ложной скромности, а в страхе Насти забронзоветь, ощутить себя на одном уровне с Богом. Это была ее примета – никогда себя не хвалить, но всего один раз, секунд на пять, имеет она право насладиться своим успехом на все сто процентов?

Но человек, которого совершенно не волновала Настя, ее амбиции, кино вообще и в частности, все же существовал – только уверенная в успехе Настя пока об этом не знала.

Глава 5

– Я никуда не поеду, потому что у меня, карамба, великое горе – меня бросил мужчина, и я унижена, растоптана и сломлена! – почти на полном серьезе кричала Настя на Свету, приятельницу.

Света звонила ей уже третий раз – уточняла, будет ли Настя на великосветском приеме в честь открытия магазина знаменитого нью-йоркского дизайнера одежды.

Настя бы пошла. Несмотря на равнодушие к этому самому дизайнеру и ко всем дизайнерам США вообще – их моду она модой не считала, разве что Марк Джейкобс имел право продавать одежду по той цене, которую она стоила в магазине, – и то лишь под маркой «Луи Вьюиттон». Настя, конечно, любила джинсы, майки, кенгурушки, но, с ее точки зрения, все это не могло стоить таких денег. Жизнь в джинсах за пятнадцать тысяч рублей была такой же искусственной, как дешевые спецэффекты. Насте казалось, что, перед тем как пойти в таких джинсах, к примеру, на прогулку по лесу, этот самый лес должны как следует отмыть, насыпать искусственную землю, которая не пачкается, обрызгать кусты истребителем комаров и в нужных местах настелить фальшивый газон – чтобы можно было устроиться без риска подняться с зеленой задницей.

Настя бы даже надела итальянское платье – в укор скучным, как передачи Гордона, вечерним нарядам от этого американца.

Но ей не хотелось уезжать из своего рая. Ей нужно было набраться сил перед тем, как с трамплина рухнуть в жизнь.

Перед тем как она узнает, что же такое ее писатель. Ее Автор.

Только она попрощалась со Светой, телефон зазвонил снова.

– Да! – рывкнула уставшая от переговоров с неугомонной подругой Настя.

– Плохие новости, – без предисловий выдала Маша.

– Ну? – у Насти перехватило дыхание.

– Гранкин упирается.

– Во что упирается?! – воскликнула Настя.

– Настя, мы ему позвонили, сказали, что прочитали его книгу...

– Вы сказали, что это лучшая книга в мире? – уточнила Настя, которая считала лезть самым действенным оружием против любого невротика.

– Конечно. Но он говорит, что уже имел опыт работы с киношниками и ему не понравилось.

– В каком смысле? – нахмурилась Настя.

– Сняли плохой фильм.

– Блин, ну и что?! – возопила Настя.

– Его невозможно уговорить.

– Маша, дорогая, нет ничего невозможного, – прошипела Настя. – Может, ты плохо уговаривала?

– Я хорошо уговаривала, – не повышая голоса, твердо ответила Маша.

Н-да.

– Ладно, дай мне его телефон, – попросила Настя.

Записала номер и немедленно позвонила.

Ответил приятный мужской голос. Сексуальный голос. Голос, возбуждающий всякие разные фантазии.

Но голос – это всего лишь колебания воздуха. Однажды Настя минут пять преследовала в магазине голос, а когда увидела владельца, говорящего по телефону, только что рот не открыла от изумления – дивный, чарующий баритон принадлежал гаденькому молодому человеку, взо-

превшему блондинчику с внешностью бледной поганки, одетому в бежевую рубашку и бежевые слаксы. Сочетание всего бежевого убивало в Насте все чувства.

– Я слушаю, – произнес Гранкин.

– Максим? – поинтересовалась Настя.

– Да.

– Добрый день, меня зовут Анастасия Устинова, вам недавно звонила моя помощница Маша со студии «Мираж»...

– Да-да, помню.

– Максим, вы извините, но я просто хотела лично услышать ваш отказ.

– Анастасия, спасибо за внимание, но я действительно не готов к подобным предложениям.

К «подобным предложениям»!

– Максим, мне бы очень хотелось выразить вам свое восхищение. Вы потрясающе талантливы. Я прочитала роман на одном дыхании и сейчас еще раз читаю. Это бесподобно.

– Благодарю, но...

– Максим! Я вас не уговариваю. Честно. Но, может, мы могли бы познакомиться? Вдруг мы с вами что-нибудь придумаем?

Он молчал. Думал, что ли? Черт! Да с ней половина страны мечтает познакомиться, а этот дундук!..

– Я бы хотела пригласить вас за город – у меня в следующие выходные намечается небольшая вечеринка, шашлыки, будет всего человек десять... – Настя назвала фамилии известных телеведущих, режиссера, получившего «Пальмовую ветвь» в Каннах, крупного издателя, пары актрис.

Конечно, это походило на дешевое бахвальство, но раз уж этот негодяй ведет себя так, словно ему навязывают кокаин в туалете дорогого клуба, то все средства хороши. Вдруг сработает?

– Анастасия, спасибо большое, можно я вам позвоню на неделе? – отозвался, наконец, Максим.

Вот сукин сын!..

– Конечно, – вежливо ответила она.

Нажав отбой, Настя еще некоторое время смотрела на трубку, словно ожидала, что оттуда послышится «Я пошутил! Это был розыгрыш!», но трубка молчала, и Настя, уже ощущая приступ бешенства, набрала номер того самого крупного издателя, обещанного Гранкину. Во-первых, нужно было пригласить его на пикник, а во-вторых, выудить сведения об этом, мать его, гении.

Издатель, Михаил Еремин, ничего внятного не сказал. Говорил больше об издателях Максима – как обычно, обвинял конкурентов в беспомощности и недалечности, хотя признался, что хотел автора переманить, но на переговоры тот не пошел – заявил, что ему не предложили ничего настолько особенного, чтобы ради этого можно было начинать всю эту суету.

– Г-хм! – громко хмыкнула Настя, положив трубку на стол.

Радужная картина творческого романа омрачилась. Видимо, автор был с придурью.

Не он первый.

Правда, если этот сукин сын не перезвонит или перезвонит и откажется, ей придется либо грохнуть его, либо нанять частного детектива и раскопать о нем нечто шокирующее – чем можно шантажировать этого барана.

Ну, а на крайний случай можно его совратить. Если он, конечно, не импотент, что вполне вероятно – судя по уровню его возбудимости от хороших новостей.

Может, пойти на это торжество в честь американской моды? Броситься в пучину светской жизни, забыться-напиться, остаться в Москве и назло Боре сняться для светской хроники с каким-нибудь Алексеем Чадовым?

Настя никому бы не призналась, что втайне читает все колонки сплетен – от журналов вроде «ОК!» до подозрительных интернет-ресурсов, что пестрят заголовками **«Лев Лещенко на грани жизни и смерти: Вчера на юбилее известного певца друзья преподнесли Льву Лещенко необычный подарок – щенка филлы бразильеры. Долгожитель нашей эстрады признался, что едва не заработал инфаркт, когда увидел животное – это ведь одна из самых крупных собак в мире...»**. Что-то в этом духе.

Ведь мир знаменитостей, хоть это и ее мир, – настоящая параллельная реальность, территория, на которой пересекаются действительность и мечты. Истинный замок Фата Морганы.

Настя замечала, что знакомые – актеры, музыканты, писатели – уже не осознают, в каком мире живут – в том, что существует в действительности, или же в том, о котором пишут масс-медиа.

Ее и саму поначалу изумляло, когда она узнавала из газет, что беременна, развелась, вышла замуж, что у нее есть взрослый сын, что она встречается с Борисом Немцовым... и едва не стала пленницей иллюзий, поверила, что ее жизнь – увлекательный роман, бестселлер. Сделав шаг, задумывалась – а как это будет выглядеть на страницах газеты «Жизнь»?

Она даже поощряла странных журналистов, которые почему-то выглядели так, словно недавно бросили работу на панели либо все еще лечатся от расстройства пищеварения.

Но вскоре мираж рассеялся. Настя прочитала статью с веселеньким названием «В постели с миллионером» за подписью некой Светланы Чернобровиной, из которой зависть была фонтаном.

Статья была позабористой серной кислотой: неизвестная миру Светлана решила показать миру всю свою злость и ревность, открыла двери в тайные комнаты души, из которых, как пауки и мыши, разбежались ненависть и дешевый сарказм.

Безумие, поразившее Чернобровину, в щепки разгромило зачаточную журналистскую этику и дало выход злостной клевете: желчные фантазии, откровенное вранье и вопли отчаяния: «Почему не я?!»

Девушки известных магнатов предстали сиренами с ясными лицами и телами чудовищ, привлекающими путников в сети ажурных колготок и кружевного белья.

Не то чтобы Светлана была так уж не права, но нельзя ставить девушек, побывавших в постели, допустим, Михаила Прохорова, на одну ступень с Гитлером, Сталиным, Саддамом Хусейном.

И в душе у Насти что-то оборвалось – она решила оставить все эти публикации на совести газетных писак – отказалась принимать в этой вакханалии хотя бы косвенное участие.

Всего один раз желтая пресса оказала ей добрую услугу – показала, чего стоил ее второй брак, брак с Ильей.

Свадьба с Леваном была полным безумием – в Тбилиси съехались все родственники жениха, человек десять со стороны невесты и такое множество друзей, что Настя не знала и половины тех, кто зажигал на их торжестве. Спротивляться было невозможно – это была не просто свадьба, это была грузинская свадьба – и если бы они ограничились скромным праздником в узком кругу, началась бы гражданская война. Тем более что от Насти требовалось только сесть в самолет, выпить шампанского, надеть платье и принять подарки. Все организовали и оплатили родные Левана.

Но вот идиотская свадьба номер два была на ее совести. Настя дала слабинку – поддавалась на уговоры жениха и проявила дьявольское тщеславие – возжелала появиться в свадебном платье на страницах газет и журналов, как настоящая звезда.

И она верила, что Илья сделает ее счастливой. Роман начался в Крыму, где Настя второй месяц торчала со съёмочной бригадой, а Илья катался на серфе. В прохладном мае, изображавшем жаркий август, на Западном побережье Крымского полуострова, делавшем вид, что оно – Греция, с Настей, игравшей Медею, они попали в собственные грезы: он делал вид, что его жизнь – ветер, море, волна, а Настя никак не могла избавиться от наваждения греческих сказок – таких пряных, жестоких, сексуальных...

В городе дым южных трав, запах нагретой солнцем кожи, вкус соленых поцелуев развеялся не сразу. Было жарко. Над асфальтом стояло море, деревья еле-еле шевелили выжженной листвой, на лицах поблескивала испарина – город был горячий, ленивый и немного сумасшедший. Душными ночами они гоняли на мотоцикле, и холодный ветер лишь раздувал огонь страсти; валялись в кровати, прильнув друг к другу взмокшими от секса телами, пили вино и пребывали в той особенной умственной бездеятельности, которая оставляет простор для необдуманных поступков.

Он купил кольцо. Встал перед ней на колени – в ресторане, где сломался кондиционер. Еще тогда Настя ощутила подвох. Слишком уж это похоже на шантаж – предлагать руку и сердце на людях, когда все ждут, что ты ответишь «да», но думать не было сил – слишком много прохладного розового вина пришлось выпить.

И она сказала:

– Да!

Уже через неделю спала жара – маскарад закончился: красавец-серфингист превратился в суетливого московского устроителя торжеств, а Настя избавилась от сумасшедшей Медеи, которую смонтировали и отослали американскому продюсеру, заказавшему проект.

Настя была в доле – микроскопической, но все-таки: и эта доля принесла ей хорошие деньги – немного осовремененную «Медею» купили все каналы, несмотря на то что заказал ее скучный государственный USA, но фильм получился не просто образовательным проектом – он действительно был популярен.

В последующий год Настя снималась во Франции, в небольшой роли в голливудском триллере, в Испании работала с самим Альмодоваром, и под завязку снялась у самого известного итальянца из ныне живущих. К сожалению, фильм престарелого маэстро провалился, но год был веселый.

Лучший год. Она была тогда артисткой, живущей то в трейлерах, то в гостиницах, кочевницей, перебиравшейся с самолета на поезд, с поезда в автомобиль – а оттуда опять на самолет. Она летала первым классом, тряслась в ржавых кукурузниках, колесила в джипах, грузовиках, лимузинах и кабриолетах.

Она поняла тогда, что цыганская, полосатая жизнь, в которой сегодня ты радуешь тело в джакузи с розовыми лепестками, а завтра пытаешься выжать хоть три капли влаги из душа в уездной гостинице, – это именно то, к чему она стремилась. И даже дни, когда режиссер бредит – снимает сутками один и тот же дубль, когда уже сил нет, а терпение закончилось так давно, что никто не знает, что это такое, когда родные и друзья – только голоса в телефоне... вот тут-то и понимаешь, что ни родных у тебя нет, ни друзей, ни дома – только призвание да еще «семья» – группка таких же странных, как ты, людей, которых ты, скорее всего, никогда больше не увидишь.

Скучно все-таки быть счастливым человеком.

К сентябрю, к свадьбе, Илья затеял такую программу, что Настя растерялась. Платье, фата, кортеж, танец жениха, танец молодоженов, клятвы, список подарков – все, как у взрослых. Но на этом достойном не только газетных репортажей, но и самых искренних восторгов торжестве Настя была чужой.

На своей грузинской свадьбе они с Леваном уже в загсе так напились, что Настя выплясывала нечто среднее между лезгинкой и стриптизом, ей хлопали в двести рук, гости брата-

лись, дрались, стреляли в воздух, читали стихи, кто-то едва не утопился – и все это безумие длилось неделю. В Тбилиси их поздравляли на улице, соседи несли дары, они переезжали из ресторана на дачу, с дачи – на террасу Софико Чиаурели, от Софико – на машинах в Батум, и это было приключение.

Илья же устроил все чертовски прилично – без драк и пьяных двоюродных тетушек, без пошлого тамады. У нее было платье – о, ужас! – от «Вера Вонг» за десять тысяч долларов, жених щеголял во фраке, ресторан был французский, изысканный, загс, разумеется, Грибоедовский.

И Настя не могла взять в толк, зачем флер д'оранж, только что не стихотворные признания, все эти тосты с листа, букет невесты – она ведь это уже проходила, Илья тоже был женат, скупая радость родных, которые точно так же радовались однажды...

Все прошло так культурно, что не осталось ощущения чуда, праздника. Женятся взрослые люди, которые просто могут все это себе позволить.

Поначалу Илья радовался, когда их фотографировали, когда интересовались, какая она, Анастасия Устинова, в обычной жизни, но так уж сложилось, что обычной жизни в тот год у них не было.

Илья, конечно, приезжал на съемки, но вид у него был все более недовольный.

Вечерами в своем трейлере Настя учила роль, к ней попеременно заходили то режиссер, то партнер, то какая-нибудь нервная молодая актриса, а Илья сидел с перевернутым лицом и чего-то ждал.

– Что ты хочешь мне сказать? – Настя отложила сценарий и уставилась на него.

Казалось, он ее гипнотизирует.

Илья отпирался – но все это было только кокетство, и в конце концов раскрылся.

– Не хочешь сбавить обороты? – поинтересовался он.

– Илюш, ты вообще-то знал, что я актриса. Такая у меня жизнь, – она уже злилась, предчувствовала скандал, но очень не хотелось терять нить экранного образа, выходить из роли, переживать по-всамделишному, и Настя попыталась сгладить углы. Она отложила сценарий, села рядом с ним, взяла за руку. – Что происходит?

– Настя, мне тяжело, когда тебя все время нет рядом.

Она даже растрогалась. Все-таки любовь?

– Я устал приходить в пустой дом. У меня от «Доширака» гастрит.

Настя опешила.

– То есть все дело в «Дошираке»? – удивилась она. – Ты же не рассчитываешь, что я буду тебя ублажать, как степфордская жена?

Какая гнусность! «Доширак»!

– Дело не в «Дошираке», – очень серьезно ответил Илья. – Дело в том, что мы живем в браке, а это значит, что у нас есть обязательства друг перед другом. Раньше я ужинал в ресторанах...

– Так что тебе мешает делать это сейчас?! – воскликнула Настя.

– Раньше я ужинал в ресторанах с девушками...

– Слушай, если дело в сексе, то я тебя понимаю! – опять перебила она его. – Но я тут тоже, знаешь ли, не кручу с оператором...

– Почему с оператором? – нахмурился Илья.

Черт! И, правда, почему с оператором, который, словно назло, молодой, симпатичный, загорелый и ходит с голым торсом?

– Ну, с дольщиком! Илья, нам тяжело...

– Настя, дело не в том, что «нам» тяжело, а тяжело каждому по отдельности.

Настя вытаращила глаза. Фраза какая-то книжная. Видимо, разговор он готовил заранее.

– Ну, и чего ты хочешь? – оцетинилась она. – Развода?

Илья закатил глаза.

– Почему у тебя всегда сразу развод? – возмутился он. – Я предлагаю подумать о том, как мы живем. . .

Он еще что-то говорил – с выражением, етить твою валентность через перекись водорода! – а Настя была уже далеко: там, где они уже подумали, как живут, и пришли к разумному соглашению.

Тоже мне, цыганский барон!

Он хочет все вернуть – Москву, определенность, деловые будни, звонок будильника, одну и ту же картинку в окне. . . Где тот парень, с которым они пытались заниматься сексом на серфе – пусть ничего не получилось, но было весело! Где тот парень, который втоптал танцпол на метр в землю, а потом полз до гостиницы, потому что не мог дотащить до дома всю ту текилу, что выпил в баре?

Развод?

Развод настиг их через несколько месяцев – после того, как Настя пообещала «исправиться» и рванула на съемки к маэстро.

Разошлись они буднично – так, словно оформили доверенность на машину. Правда, Илья все рвался что-то пояснить – ему казалось, это он был лидером в их разводе, прикидывался, что сочувствует Насте, щадит ее чувства и даже пробормотал домашнюю заготовку насчет «останемся друзьями», но Настя только морщилась, так как друзьями они никогда не были. Они были глупой парой, поженившей собственные амбиции.

Насте нравилось, что у нее красивый, спортивный муж, который замечательно смотрится на фотографиях.

Тогда Настя думала именно так.

А Илья наслаждался вовсе не тем, что Настя талантлива и знаменита. И это была не мужская гордость: «Вот какая у меня женщина! Кого я себе добыл вот этими руками!» – он любил ее окружение, любил позировать для газет – не как муж, а сам по себе, он имел прямую выгоду – теперь ему, чтобы пригласить на корпоратив, например, Чулпан Хаматову, надо было только позвонить и вспомнить, как они зажигали на даче у Сергея Соловьева. . .

Когда Настя летела в Москву из Римини, она еще надеялась, что все образуется.

Илья, как нарочно, устраивал день рождения некой компании в Екатеринбурге, и Настю встречала подруга Верочка. Верочка нервничала – потащила Настю в машину, запихнула в салон и с самым драматическим видом передала «Экспресс-газету», развернутую на определенной странице.

Статейка, а точнее фотография Ильи с некой девицей, которая тогда была популярна – актрисулька из сериала, словившая свои полгода славы, и подпись «Мужа Анастасии Устиновой не первый раз видят с. . .» показала Насте сущность их отношений. Во всей красе.

Это было озарение, и страшное слово «развод», кровавыми буквами написанное на белой стене, вдруг превратилось в заурядный дорожный указатель вроде «Электродная улица, стрелка направо».

После расставания Настя встречала Илью то тут, то там – он был все такой же загорелый, с морщинками, высеченными азовским бризом, жизнерадостный, но почему-то Насте каждый раз мерещился запах тлена – он был мертв для нее, и эти прозаические, короткие «привет-привет» напоминали визиты на кладбище. Она даже переживала, что они не разошлись со скандалом, со слезами, с упреками, потому что тогда ей было бы о чем жалеть, тогда бы в ее сердце было чуть больше любви – пусть и смешанной с тоской, но любви не было, и Настя уже сомневалась, что она существует.

Глава 6

Воды!

Настя нашла у тумбочки стакан, но в остатках «Эвиана» плавали мухи – пришлось бежать вниз. Поднявшись наверх с бутылкой запотевшей минералки, Настя решила, что все-таки поездка в город – это вариант.

Да!

Она волнуется!

И что?

Не должна?

Речь, между прочим, идет о больших деньгах. Ну, и о ее жизни, на минуточку.

Он позвонил. Позавчера.

– Добрый день, можно Настю? – спросил мужской голос, немного хриплый, как будто больной.

– Это я, – безмятежно ответила она, совершенно расслабившаяся от неожиданного отпуска.

– Это Максим Гранкин, – представился голос, и Настя взвилась.

Сердце ухало. Она знала, что все: близкие, далекие, друзья, враги – все считают ее семи-жильной женщиной со стальными тросами вместо нервов. Ее недолюбливают, откровенно ненавидят, восторгаются, но никто не хочет верить, что Настя – самый обычный человек. Не потому, что она знаменита. Потому, что она – сама по себе. У нее слава, бизнес, внешность – все, чему можно позавидовать. Она – образец для подражания, и никто не хочет знать, что «образец» с похвальным постоянством лезет на стену от страха, неуверенности и усталости.

То же и с личной жизнью – подружки уверены, что такие, как Настя, не переживают, если звонок любимого мужчины задержался на неделю. Они просто меняют мужчину. И они не хотят ничего знать о том, как Настя представляет этого самого мужчину в бассейне с двадцатью моделями «Плейбоя» – и каждой нет еще девятнадцати.

Поэтому, когда она поняла, что анонимный голос на самом деле – тот самый Гранкин, колени подогнулись, в горле пересохло, а сердце забилося где-то в правой ключице.

Он ведь, может, позвонил извиниться (спасибо и на том!): мол, в эти выходные я навещаю большую бабушку в Тверской области.

– У вас планы не изменились? – поинтересовался Максим.

– Планы?.. – растерялась Настя. Он о чем? Кино? Пикник?

– Я бы рад был приехать к вам в субботу, если вы не передумали, – слишком уж учтиво оповестил ее Гранкин.

– А! Нет-нет! Здорово! Э... можете записать?..

С излишним воодушевлением она продиктовала адрес, взяла обещание, что он будет ей звонить, если заблудится, пожелала спокойной ночи (это в семь вечера!), закашлялась и, наконец, попала в красную кнопку.

Все должно быть идеально! Не нарочито, но роскошно. Чтобы он понял, от чего отказывается, произнося свое дурацкое «нет» в ответ на предложение снять кино по его роману!

Надо вызвать из Москвы Веру Ивановну – шашлыки она маринует первоклассно. На закуску – сладкие креветки, салат из крабов, фрукты. Из Москвы перевезти французский сервиз. Сервиз ей подарил поклонник, настоящий французский граф с замками. Сервиз, конечно, не фамильный, но очень дорогой, лиможский. И такой, типа, скромный, с греческим орнаментом.

Та-ак... Скатерть... Белая? Белая!

Часа через два начнут собираться гости. Шашлык замаринован, Вера Ивановна при деле, на белой скатерти выставлены белые тарелки и букет чайных роз, темно-зеленые тяжелые бокалы, доставшиеся Насте от бабушки, тоже не фамильные, куплены в комиссионке...

А она до сих пор не знает, что надеть!

Очень-очень сложная задача. Ничего вызывающего. Но в то же время – никакой ложной скромности, чтобы не выглядеть слишком уж прилично. Она должна быть главным украшением вечера. Пристойным таким украшением, без робертоковальщины.

Белый цвет в тон со скатертью? Нет, это какие-то старосветские помещики...

Красный отменяется – слишком нарочито. Голубой, розовый – ерунда.

Черт...

Возник план очень быстро смотаться в Москву, но, если честно, это просто смешно.

В конце концов, когда уже появилось желание собрать вместе все свои бездарные шмотки и поджарить вместо шашлыка, Настя остановилась на красном топе от «Донны Каран», который обнаружила в самом низу гардероба, – мятом, забытом, но все еще прекрасном: вырез лодочкой, рукав «летучая мышь» – но только один, второе плечо – голое, и дивных белых брюках от «Персонаж». Брюки Настя обожала – это были единственные белые брюки, а не джинсы, которые не делали с бедрами ничего того ужасного, что обыкновенно делают белые брюки с бедрами больше сорок второго размера. И они не просвечивали. А ткань немного мерцала – благородно так, неприметно.

Шик.

Темные волосы рассыпались по красному тону. Теперь надо только надеть на руку все тридцать восемь браслетов – и серебряных, и из белого золота, которые Настя носила всегда – снимала на ночь, застегивала утром; кольцо, купленное у соседки-армянки с невероятной красоты лунным камнем – большим, старинным, второго такого нет, и серьги с бриллиантами – каждый в два карата, подарок семьи Левана. После развода Настя, скрепя сердце, пошла серьги отдавать, но мать Леванчика возмутилась и сказала, что серьги дарила от всей души, лично ей, Насте, – а не невесте сына.

Так она их и носила – и никакие другие украшения не приживались.

Отлично. Макияж отнял еще полчаса – она стала ярче, но косметики почти не было заметно.

С гримом у Насти вообще были сложные отношения – она ничего не могла с собой поделывать, но накрашенное лицо – с румянами, помадой, тенями и какими-нибудь, не дай бог, блестками, считала настолько откровенным призывом, что чувствовала себя проституткой – не из самых дорогих. Поэтому она лишь осторожно подчеркивала и улучшала форму глаз – раскрывала их, делала поярче губы и время от времени пользовалась пудрой. Сомнения в том, насколько заметен макияж, отнимали больше всего времени – Настя то стирала, то заново красила, добываясь от лица ненавязчивого совершенства.

Первым приехал режиссер Григорий Виккерс, отличавшийся суровой пунктуальностью.

Всякий раз он проделывал одно и то же – являлся раньше всех, заглядывал в гостиную, кухню, в окно – то, что выходит на задний двор, хмыкал, поднимал голову посмотреть на люстру, забивался в угол дивана и принимался рассматривать ногти на левой руке.

В это время его жена, Леночка, мило щебетала, сглаживая неловкость.

Леночка отказалась от карьеры актрисы ради того, чтобы водить за руку не совсем нормального мужа, вести переговоры, напоминать ему, где продают сигареты, и усаживать его в такси.

Виккерс ощущал себя уверенно только на съемочной площадке и за столом в кабинете – стоило же ему выйти на улицу, как он терялся и не мог сам поймать машину. Одна приятельница нашептала Насте, что года два назад Гриша за ней ухаживал в оригинальной манере – ни

с того ни с сего приезжал по ночам, пил коньяк, ложился в постель и... все. Приятельница не вытерпела и устроила скандал, а Гриша посмотрел на нее, как обиженный кутенок, и спросил:

– Это для тебя так важно?

Но дети у него вроде были – два от первой жены и один от Леночки.

Насте Леночка импонировала – за внешностью чеховской Душечки скрывались твердый характер, деловая хватка и готовность короткими ногтями с прозрачным лаком порвать любого, кто задумал худое против ее Гриши.

Пока Гриша исследовал ногти, Настя успела коротко описать Леночке сверхзадачу – обаять писателя. Леночка кивала с таким сосредоточенным видом, что Настя без лишних слов поняла – на ее помощь можно рассчитывать. Что это будет за помощь, пригодится ли она, трудно представить, но присутствие союзницы очень Настю поддерживало. Ведь если вдруг Максим окажется неприятным типом с дурными манерами, будет испорчена не только картина светлого будущего, но и дивный вечер. А очень бы не хотелось.

Наконец распахнулась дверь, и вошла толпа. Астахов – не адвокат, а диктор в новостях, с двадцатилетним сыном, девушкой сына, бывшей женой и какой-то дамочкой. Дамочки у Астахова, считавшего себя свободным от семейных уз, каждый раз были разные. То ли Женя давал им отставку, то ли девушек раздражало, что ухажер всюду таскается с бывшей женой. А таскался он потому, что за двадцать лет все друзья, коллеги и родственники стали общими – и делить их никто не собирался.

Причем Женя по старой, доразводной привычке вечно переругивался с бывшей, что, видимо, не настраивало женщин на романтический лад.

Эта новенькая, последняя, Насте сразу не понравилась. Короткие волосы дамочка красила в старушечий рыжий оттенок, который агрессивно бликовал на солнце, укладка была бабья – словно только что бигуди сняли. Не то чтобы ужасно, но в стиле эдаких провинциальных жен, которые, разрядившись в белые бриджи и розовые кардиганы на своих дорогах внедорожниках приезжают в московские магазины и шастают там, поджав губы – чтоб никто не догадался, как неловко они ощущают себя в городе, который ничем не удивишь.

Девица из стиля не выбивалась – топ со стразами, розовые капри, сандалии «Экко» с заклепками.

Астахов чуть не сломал Насте спину, обнимая ее с таким жаром, словно они и не виделись две недели назад, его бывшая, Наташа, с порога начала историю о покупке «Фольксвагена Туарек», но вниманием Насти завладел незнакомец.

Вены, артерии, мышцы, что держат сердце в положенном месте, оборвались, – оно упало в желудок и там задергалось в конвульсиях.

Он был прекрасен. Высокий, русский, не совсем бритый, с типом лица, как у Юлия Цезаря – только не воинственным, а немного истощенным, отравленным книжной пылью. Короткая стрижка, ясные голубые глаза, темные брови, изящные кисти рук, жилистые предплечья... Ух ты. На нем – белый свитер в широкую голубую полосу с закатанными рукавами, выцветшие джинсы и кроссовки.

– Добрый день, – произнесла Настя.

И вообразила их вдвоем. Она – стройная, гибкая брюнетка с аристократическим носом с горбинкой. Он – прямо-таки завсегдашней Французской Ривьеры, потомственный владелец белого дома с запущенным садом. Его будто натерли солнечными лучами – золотистая кожа начала шелушиться, выжженные, как южные травы, волосы, загрубелые морщинки в губных складках, ямочки...

– Я Максим, – представился он.

– Ребята! – закричала Настя, схватив за руку Наташу, которая все еще долдонила о том, что купила внедорожник у самого настоящего уголовника... – Хочу вам представить человека,

который заставил меня плакать четыре раза подряд! Внимание! Звезда русской литературы Максим Гранкин!

– Я вас читал... – тут же встрял Астахов.

Ничего он не читал. У него времени нет. Слышал, может, открыл даже, пролистал пару страниц.

Все друг другу жали руки, пылкая Наташа даже расцеловала звезду русской литературы, чем заслужила хлесткий, как прут, взгляд астаховской девицы.

– А это моя жена, Галя, – сквозь весь этот гвалт донеслось до Насти.

Максим вытащил из-за спины Астахова рыжую девицу и прижал к себе.

Настя улыбалась, пожимала девице руку, приглашала гостей в беседку, но все это делало ее тело – как тогда, когда она с жуткой ангиной, температура тридцать девять и два, горло болит так, что даже дышать больно, играла в «Бесприданнице» Островского.

Этого. Не. Может. Быть. Почему они не написали на книге «Женат на лахудре – руки прочь!»?

Эта особа – его жена? Жена?

Мир рушился.

Так!

Главное – никакого хамства и сверхлюбезности – как бывает, если изо всех сил стараешься не задеть человека, который тебе неприятен.

Черт! Как он мог на ней жениться?

Он – нежный и чувственный, а она – настоящая оторва. Без вкуса. Не уродка – нет, но такая... злая.

Злая оторва уселась возле мужа и взяла его под руку. Ага... Мое, типа. Может, отравить ее? Если, например, насыпать в чай или кофе грамма три кокаина, можно ведь будет свалить на передозировку? Кокаин же почти безвкусный. Идея! Надо подмешать порошок в мороженое!

Только вот, увы, наркотиков Настя не употребляла, но это не препятствие – один звонок, и часа через два, как раз к десерту, ей привезут что угодно, куда угодно. Есть же наверняка элитные наркодельцы с пятизвездочным сервисом.

– Давно вы женаты? – поинтересовалась Леночка.

Спасибо, Леночка!

Разговор так и так крутился вокруг писателя – он был новым человеком, и всем было все интересно.

– Три года, – ответила Галя.

Ха! Кризисный период!

Настя суежилась, давала указания Вере Ивановне, устраивала всех поудобнее, но на самом деле наблюдала за ним. Время от времени Максим целовал Галю в макушку, которую та подставляла – кризис, карамба, отнюдь не на лицо.

И – не считая этих поцелуйчиков – он Насте нравился все больше и больше.

– А где вы познакомились? – хлопая ресницами и изображая Душечку в кубе, поинтересовалась Леночка.

– Галя – аудитор, – ответил Максим.

Н-да. Романтика. Она считала его деньги и так возбудилась, что отдалась ему прямо на квартальной ведомости.

И тут Галя выступила. Благодарная аудитория была завоевана душераздирающей повестью о налоговых льготах, в которых Максим не разбирался, о кондиционерах в треть цены, о домашних обедах, которые готовит некая приятельница Гали и развозит на потрепанном «Мицубиси Паджеро», в общем, о всех тех благах, что привнесла с собой Галя в жизнь Максима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.